

На правах рукописи

Абдуллина Гульфира Рифовна

**ФОРМООБРАЗОВАНИЕ И СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ
В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ (ФУНКЦИОНАЛЬНО-
СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(башкирский язык)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Уфа – 2009

Работа выполнена на кафедре башкирской и русской филологии и методики преподавания ГОУ ВПО «Стерлитамакская государственная педагогическая академия имени Зайнаб Биитшевой»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Ишбаев Карим Гайсеевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор,
член-корр. АН РБ
Гарипов Талмас Магсумович

доктор филологических наук, профессор
Егоров Николай Иванович

доктор филологических наук, профессор
Ахтямов Мухтар Хуснулхакович

Ведущая организация – Институт истории, языка и литературы
УНЦ РАН РФ

Защита состоится 24» сентября 2009 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д.212.013.06 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет» по адресу: 450074, г. Уфа, ул. З.Валиди, 32.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Башкирского государственного университета.

Автореферат разослан 18» августа 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000549188

А.А. Федоров

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

На протяжении многих лет морфология башкирского языка строится на традиционной классификации грамматических категорий: ставится знак равенства между понятиями “словоизменительные категории” и “формообразовательные категории”, не определено точное количество формообразовательных, словоизменительных категорий и их слагаемых. Незавершенность в прошлом и дискуссионный характер обсуждаемых понятий в башкирском языкознании, да и в тюркологии в целом, в настоящем приводят к тому, что одна и та же конкретная грамматическая категория одними лингвистами истолковывается как формообразовательная, другими – как словоизменительная. Это явление прочно укоренилось не только в школьных, но и в вузовских учебниках, нормативных, теоретических и исторических грамматиках башкирского языка.

Многочисленные работы, посвящённые общим и частным вопросам морфологии башкирского языка, появившиеся за последние десятилетия, не только доказали необходимость дальнейших исследований по этой теме, но и подготовили для них почву. Грамматические категории башкирского языка в той или иной мере получили освещение в отдельных монографиях, учебниках, кандидатских и докторских исследованиях, статьях таких учёных, как Н.К. Дмитриев, Дж.Г. Киекбаев, А.А. Юлдашев, М.В. Зайнуллин, К.Г. Ишбаев, Н.Х. Ишбулатов, М.Х. Ахтямов, Э.Ф. Ишбердин, Р.Ф. Зарипов и др. Вместе с тем эти работы выявили ряд теоретических и методологических вопросов, без разрешения которых не может быть осуществлено последовательное и полное описание систем формообразования и словоизменения башкирского языка.

Необходимость разграничения формообразовательных и словоизменительных категорий в башкирском языке определяет **актуальность** исследования. Обращение к данной теме вызвано не столько неизученностью грамматических категорий в башкирском языке, сколько почти полным отсутствием работ, посвящённых формообразованию и словоизменению в функционально-семантическом аспекте.

Объектом исследования выступили системы формообразования и словоизменения башкирского языка, **предметом** – функционально-семантические особенности формообразовательных и словоизменительных категорий.

Цель настоящей диссертации – систематизация формообразовательных и словоизменительных категорий башкирского языка, определение функционально-семантического потенциала вышеуказанных категорий и их слагаемых (грамматических форм), выявление межкатегориальных связей в системах формообразования и словоизменения.

Для создания целостной картины формообразования и словоизменения башкирского языка поставлены и решены в целом актуальные для тюркского языкознания **конкретные задачи** следующего характера:

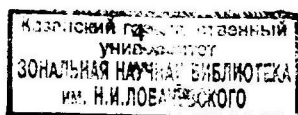
- рассмотрены теоретические аспекты разграничения формообразования и словоизменения в русистике, тюркологии, в том числе в башкирском языкознании;
- выработаны критерии разграничения формообразовательных и словоизменительных категорий в башкирском языке;
- определён объём класса вышеуказанных категорий;
- выяснены лингвистическая природа, функционально-семантические признаки формообразования и словоизменения в башкирском языке в сравнении с другими тюркскими языками;
- уточнены состав и границы грамматических форм, используемых в литературном языке и его диалектах.

Исследование проводилось в синхронном и диахроническом аспектах, с последовательным сравнением фактов башкирского языка с аналогичными единицами родственных тюркских языков.

В соответствии с целью и поставленными задачами **методологической основой** диссертации является комплексный анализ материала, соединивший описательный, сравнительно-исторический, сопоставительный, контекстологический, структурно-семантический методы исследования.

Теоретической основой исследования послужили труды таких отечественных лингвистов, как В.В. Виноградов, К.А. Левковская, Е.А. Земская, Е.С. Кубрякова, В.В. Лопатин, А.Н. Тихонов, Э.В. Севортян, Н.А. Баскаков, В.Г. Гузев, Д.М. Насилов, С.Н. Иванов, Л.А. Покровская, М.А. Хабичев, Ф.А. Ганиев, Н.Э. Гаджихамедов, Н.А. Лыкова, С. Усманов, Дж.Г. Киекбаев, А.А. Юлдашев, М.В. Зайнуллин, К.Г. Ишбаев и др.

Фактический материал собран автором методом сплошной выборки из произведений художественной литературы, фольклора, периодической печати и устной речи носителей различных диалектов

башкирского языка, из опубликованных лингвистических работ по родственным тюркским языкам. Факты других тюркских языков взяты, как правило, из соответствующих грамматических описаний и словарей. В картотеке автора более 15000 грамматических форм из 3000 контекстов.

Научная новизна диссертации заключается в том, что функционально-семантический подход к системам формообразования и словоизменения в башкирском языкознании не являлся предметом специального исследования. С современных научных позиций разграничены формообразовательные и словоизменятельные категории башкирского языка. Впервые анализу диссертационного характера подвергнуты такие грамматические категории башкирского языка, как категория субъективной оценки, категория степени качества, категория количественной соотносённости, категория утверждения-отрицания, категория принадлежности, категория сказуемости, в результате чего выявлен ряд грамматических форм, до сих пор не отмеченных в башкирском языкознании. На обширном материале литературного башкирского языка и его диалектов установлен чрезвычайно богатый функционально-семантический потенциал форм наклонения, залога, неличных глаголов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В башкирском языке грамматические категории по значению и выполняемым ими функциям подразделяются на два вида: формообразовательные и словоизменятельные.
2. При формообразовании в рамках одной и той же части речи образуется новая морфологическая категория с добавочным оттенком лексического значения.
3. В процессе словоизменения выражаются синтаксические отношения слов в составе словосочетания и предложения.
4. При образовании формообразовательных категорий преобладает морфемный способ (аффиксация, сложение основ, редупликация).
5. Словоизменятельные категории, кроме морфемного (аффиксального) способа, регулярно образуются морфемно-синтаксическим и синтаксическим способами.
6. Под формообразовательными категориями в башкирском языке подразумеваются категории наклонения и времени, залога, неличных форм глагола, субъективной оценки, степени качества, количественной соотносённости, числа, утверждения-отрицания.

7. Словоизменительные категории башкирского языка включают в себя категории принадлежности, сказуемости, падежа, лица.

8. Формообразовательные и словоизменительные категории связаны не только межкатегориально, но и имеют определённое отношение к словообразовательной системе башкирского языка, что объясняется полифункциональностью грамматических средств, служащих для передачи формообразовательных и словоизменительных значений.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что в ней систематизированы и подвергнуты функционально-семантическому анализу формообразовательные и словоизменительные категории, что имеет для башкирского языкознания общетеоретическое значение. Выводы, полученные при анализе систем формообразования и словоизменения литературного башкирского языка, подкреплены также данными диалектов. Теоретически значимым представляется выяснение внутренних, скрытых от непосредственного наблюдения, связей и отношений между, на первый взгляд, разрозненными элементами той или иной грамматической категории. Материалы и теоретические положения этой работы заслуживают внимания при составлении научно-теоретической грамматики башкирского языка, а также сравнительной и сопоставительной грамматик исследуемого языка.

Практическая значимость исследования заключается: а) в корректировке теоретических постулатов, включённых в школьные и вузовские учебники по башкирскому языку; б) в использовании материалов данного исследования в свете новых подходов к преподаванию морфологии башкирского языка в школах, в средних специальных учебных заведениях и вузах; в) в историко-сравнительном изучении тюркских языков и их диалектов.

Апробация работы. Материал диссертации прошёл научную апробацию в выступлениях автора на заседаниях кафедры башкирской и русской филологии и методики преподавания Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Биишевой. Результаты диссертационного исследования докладывались на научно-практических конференциях различного уровня: международных (10), Всероссийских (14), региональных (5), республиканских (6), межвузовских (5).

Основные положения диссертации нашли отражение в 10 статьях в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Были подготовлены и изданы монографии «Формообразование башкирского языка» (Уфа:

Гилем, 2008), «Словоизменение башкирского языка» (Уфа: Гилем, 2008), учебное пособие «Морфология башкирского языка» (Стерлитамак: СГПА им. Зайнаб Бишиевой, 2009; на башк. яз.), содержащие системное изложение результатов исследования данной проблемы. Кроме того, отдельные идеи и положения исследования получили освещение в монографиях «Морфология башкирского языка» (Уфа: Гилем, 2000; в соавторстве; на башк. яз.), «Башкирский язык. Морфология» (Уфа: Гилем, 2004); в учебном пособии «Морфемика, словообразование и морфология башкирского языка» (Уфа: Гилем, 2006; в соавторстве; на башк. яз.).

Рукопись диссертации обсуждена на заседаниях кафедры башкирской и русской филологии и методики преподавания Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Бишиевой и кафедры башкирского и общего языкознания Башкирского государственного университета.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, библиографии, списков цитируемых текстов и условных сокращений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность избранной проблемы, обозначаются цель и задачи исследования, определяются основные положения, выносимые на защиту, конкретно выделяются наиболее ценные теоретические положения работы, констатируется научная новизна.

В **I ГЛАВЕ «Теоретические аспекты разграничения словообразования, словоизменения и словообразования в современном языкознании»** приводится историко-лингвистический анализ имеющейся литературы по проблемам словообразования и словоизменения в русистике, тюркологии, в том числе в башкирском языкознании, выясняется лингвистическая природа и специфические признаки вышеуказанных систем, предлагаются критерии разграничения словообразовательных и словоизменительных категорий, устанавливаются межкатегориальные связи в системах словообразования, словообразования и словоизменения.

Проблемам русского словообразования и словоизменения были посвящены отдельные работы И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.М. Пешковского, А.А. Шахматова, Л.В. Щербы, В.М. Жирмунского, Л.А.

Булаховского, Г.О. Винокура, Ф.Ф. Фортунатова, В.В. Виноградова, Н.М. Шанского, К.А. Левковской, З.А. Потихи, Е.А. Земской, В.В. Лопатина, В.Н. Ярцевой, Е.С. Кубряковой, А.А. Зализняк, Ю.С. Азарха и др., в которых делаются попытки выяснения лингвистической природы и разграничения словообразующих, формообразующих и словоизменительных морфем. В этих исследованиях границы словообразования, формообразования, словоизменения в общем виде определяются следующим образом. Словообразование – образование слов, называемых производными и сложными, обычно на базе однокорневых слов по существующим в языке образцам и моделям с помощью аффиксации, словосложения, конверсии и других формальных средств. Словоизменение – образование для каждого слова (кроме слов неизменяемых частей речи) его парадигмы, то есть всех его словоформ и всех его аналитических форм. Формообразование – образование грамматических форм слова¹.

В специальной статье, посвящённой определению границ между словообразованием, формообразованием и словоизменением, Н.А. Лыкова отмечает, что под формообразованием нужно подразумевать формы наклонения и прошедшего времени глагола, деепричастия, причастия, степеней сравнения прилагательных и наречий, залога и вида, субъективной оценки существительных и прилагательных. К словоизменительным же относятся только те ряды (парадигмы) форм, признаком которых является «наличие системно чередующихся окончаний»², то есть склоняемые и спрягаемые формы слов, которые образованы присоединением флексий к основам. По справедливому замечанию К.А. Левковской, формообразование при помощи аффиксов соприкасается со словообразованием, но имеет ряд характерных особенностей, сближающих его со словоизменением (склонением и спряжением) и отграничивающих его от словообразования³.

Вопросы словообразования, формообразования, словоизменения остаются актуальными и для тюркологов (Н.А. Баскаков, В.Г. Гузев, М.А. Хабичев, Л.А. Покровская, М.З. Закиев, К.Г. Ишбаев, С. Усманов, Р. Кунгуров и др.). В грамматике турецкого языка описание гла-

¹ Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл.ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 467, 558.

² Лыкова Н.А. О границах словоизменения, формообразования и словообразования в русском языке // Филологические науки. 1981. – №3. – С. 50–51.

³ Левковская К.А. О словообразовании и его отношении к грамматике // Вопросы теории и истории языка. – М., 1952. – С. 162.

гола состоит из двух разделов: формообразование глагола и словообразование глагола, понятие и термин “словоизменение” отсутствуют. В более поздних научных грамматиках тюркских языков, в частности гагаузского (Л.А. Покровская), караимского (К.М. Мусаев), карачаево-балкарского (ГКБЯ–1976) и т.д., описание именных частей речи и глагола включает в себя два раздела: словообразование и словоизменение.

В концепции Н.А. Баскакова понятие “словоизменение” получило исключительно синтаксическую трактовку и рассматривается как система формальных показателей, реализующих различную роль слова в составе словосочетания или предложения⁴. Согласно мнению В.Г. Гузева, целесообразно различать две разновидности словоизменения: формообразование и формоизменение⁵.

А.Н. Самойлович указывает, что при помощи словоизменительных аффиксов от неразложимых или разложимых основ-слов образуются различные грамматические формы (спряжения, склонения и др.), уточняющие их отношение к другим словам в грамматическом предложении. Таким образом, по его мнению, в составе предложения словоизменительные аффиксы выражают определённые отношения между словами. М.А. Хабичев констатирует, что в широком понимании формообразование – это аффиксальное формообразование + аналитическое формообразование + словоизменение. При этом он отмечает, что словоизменительные аффиксы не включаются в состав основы, тогда как формообразующие аффиксы, располагаясь, как правило, ближе к корню, являются частью основы.

По мнению Л.А. Покровской, формообразование в тюркских языках представляет собой самостоятельное морфологическое явление, «занимающее обширную аффиксальную зону» между словообразованием и словоизменением. Основным признаком формообразующих аффиксов она считает их *единичность*, непротивопоставленность какому-либо другим аффиксам той же морфологической категории. Словоизменение же представляет собой морфологическое изменение слов, образующее их устойчивые парадигмы, то есть включает в себя только *многочленные* морфологические категории. Из этого следует,

⁴ Баскаков Н.А. О границах словообразования и словоизменения в тюркских языках // Советская тюркология. – 1986. – №2. – С. 7.

⁵ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Имя (на материале старобалкарско-тюркского языка). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – С. 14.

что формообразующие аффиксы единичны, словоизменительные — члены парадигм.

С. Усманов предлагает рассматривать аффиксы трёх видов: словоизменительные, формообразующие и словообразующие. В перечень формообразующих он включает показатели множественного числа, залога, отрицания, деепричастия, причастия и т.д. Сторонниками разделения словообразующих, формообразующих и словоизменительных аффиксов можно считать таких учёных, как Т.М. Гарипов, В.Н. Хангильдин, Б.А. Орузбаева, Б. Ходжаев, Р. Кунгуров и др.

Исходя из обзора существующих исследований по данной теме, можно утверждать, что мнения большинства русистов и тюркологов сходятся в одном: механическое соединение формообразующих и словоизменительных аффиксов и категорий в одну функциональную группу недопустимо.

Относительно башкирского языка можно констатировать, что в башкирском языкознании чёткое разграничение словоизменения и формообразования не получило окончательного решения. В большинстве школьных учебников и вузовских грамматик термины «словоизменение» и «формообразование» употребляются как аналогичные единицы. Приведём краткий обзор существующих грамматик, монографий, учебных пособий, в той или иной мере затрагивающих данную проблему.

В «Грамматике башкирского языка» (М.—Л., 1948; Уфа, 1950) Н.К. Дмитриев выделяет в морфемной структуре слова только словообразовательный и словоизменительный элементы. В состав морфологических категорий им включаются категории падежа, принадлежности, времени, сказуемости, лица и т.д. А.А. Юлдашевым в монографии «Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке» (М., 1958) используется термин «формообразование глагола» как синоним понятия «внутриглагольное словообразование». Под внутриглагольным словообразованием в данном случае подразумеваются категории залога и вида. В учебном пособии «Лекции о происхождении формообразующих аффиксов имени прилагательного башкирского языка» (Уфа, 1978) В.Ш. Псянчиным в качестве формообразующих рассматриваются показатели степени качества, числа. В академической грамматике башкирского языка (М., 1981) отмечается, что словообразование и формообразование осуществляются в принципе одними и теми же способами формального выражения — аффиксацией, сложением основ и редупликацией. По словам А.А. Юлдашева, кроме

имени и глагола, в формообразовании участвуют имена прилагательные и наречия. Местоимения и имена числительные в необходимых случаях пользуются на общих основаниях грамматическими формами, характерными для имени существительного. Между словообразованием и формообразованием применительно к ряду ярко выраженных категорий глагола и имён нет чётких границ⁶.

На разграничение словообразующих, формообразующих и словоизменяемых аффиксов в башкирском языке впервые обратил внимание К.Г. Ишбаев, который утверждает, что в башкирском языке функционируют три вида аффиксов: словообразующие, формообразующие и словоизменяемые. Словообразующие аффиксы делятся на два вида: а) аффиксы, преобразующие в процессе словообразования данное слово в другую часть речи; б) аффиксы, образующие слова в пределах той же части речи, к которой относилась производящая основа. К формообразующим отнесены аффиксы: а) субъективной оценки; б) числа (кроме личных форм глагола); в) степени качества прилагательных и наречий; г) разрядов числительных; д) разрядов местоимений; е) неличных форм глагола; ж) залога; з) объёма; и) наклонения и времени; к) модальности; л) отрицания глаголов. В понятие словоизменяемых аффиксов объединяются показатели падежа, принадлежности, сказуемости, лица и числа глаголов⁷.

М.Х. Ахтямов окончания (аффиксы) делит на два основных вида: словообразующие и грамматические. Грамматические окончания, в свою очередь, подразделяются на: а) словосочетательные (*һүз бэйләүсе*), или синтаксические; б) формативные (*форма яһаусы*), или формообразующие. В качестве словосочетательных приводятся аффиксы падежа, принадлежности, числа, лица и сказуемости. Аффиксы наклонения, времени, аспектуальности глаголов, степени сравнения прилагательных и наречий рассматриваются как формообразующие. По мнению автора, показатели числа и принадлежности в башкирском языке выполняют чисто грамматическую функцию, их целесообразно называть словоизменяемыми. Привлекает внимание своеобразный подход М.Х. Ахтямова к показателям субъективной оценки -*кай* (*дус-кай* 'дружок'), -*кәш* (*һеңде-кәш* 'сестричка', *эне-кәш* 'брашница'), -*сык* (*тап-сык* 'пятнышко'), которые он именует "стили-

⁶ Грамматика современного башкирского литературного языка. – М.: Наука, 1981. – С. 89–95.

⁷ Хәзерге башкорт теле / Яуаплы редакторзавры З.Ф. Ураксин, К.Ф. Ишбаев. – Өфө, 1986. – 144–145 б.

ческими окончаниями”⁸. Ю.В. Псянчин выделяет две разновидности словоизменения башкирских имён: а) формоизменение, в состав которого включаются категории принадлежности и падежа и б) формообразование, под которым подразумевается категория множественности.

Итак, учитывая результаты исследований таких тюркологов, как Л.А. Покровская, М.А. Хабичев, В.А. Аврорин, К.А. Левковская, С. Усманов, В.Н. Хангильдин, Б.А. Орузбаева, Б. Ходжаев, Т.М. Гарипов, К.Г. Ишбаев, М.Х. Ахтямов и др., и опираясь на собранный фактический материал, мы можем утверждать, что по значению и выражаемым ими функциям аффиксы в башкирском языке, как и в других тюркских языках, делятся на три вида: словообразующие, формообразующие и словоизменяющие. Формообразующие аффиксы, занимая промежуточное положение между словообразующими и словоизменяющими, отличаются от них своим составом, значением и употреблением.

Деление аффиксов на словообразующие и формообразующие отражает различие в выражаемых ими значениях слова: первые выражают лексическое значение, вторые – грамматическое. Иными словами, словообразование есть образование новых слов, а формообразование – это изменение грамматических форм одного и того же слова. Деление аффиксов на формообразующие и словоизменяющие отражает различие в их функциях: первые выражают независимые, синтаксически не обусловленные грамматические значения одного и того же слова, вторые – зависимые, синтаксически обусловленные значения.

Таким образом, признав наличие аффиксов трёх видов, мы, соответственно, утверждаем, что в башкирском языке, как и в других тюркских языках, существуют процессы словообразования, формообразования и словоизменения. Ниже даётся попытка обоснования этого утверждения.

Отличие формообразования от словообразования заключается в следующем: а) при формообразовательном процессе в отличие от словообразовательного не образуется новая лексическая единица,

⁸ Ишбулатов Н.Х., Әхтәмов М.Х. Хәзерге башҡорт теле. Фонетика, графика, орфография, орфоэпия, грамматиканың төп төшөнсәләре, морфемика, морфология, һүҙһалыш. – Өфө: БДУ, 2002. – 185–186 б.

появляется лишь добавочное грамматическое значение с некоторым оттенком новизны в лексическом значении; б) формообразующие средства не отрывают новую форму от лексико-семантической сущности данного слова, семантическая связь между этой формой и остальными формами данного слова сохраняется; при словообразовании такое не наблюдается; в) значения формообразующих показателей (в частности, аффиксов) отличаются большей абстрактностью, нежели показателей словообразования; г) как правило, основную информационную нагрузку несёт основа слова (а значит – и словообразующие средства), тогда как грамматическая часть выполняет в основном коммуникативную функцию (функцию связи).

Можно акцентировать внимание и на внешних признаках. Взаиморасположение формальных показателей всех грамматических категорий в языке не свободно, а, как известно, подчиняется строгому порядку. По нашим наблюдениям, в современном башкирском языке у существительных и субстантивов за основой, включающей корень и словообразующий аффикс (если таковой имеется в наличии), следует показатель субъективной оценки, затем – показатели принадлежности, числа, падежа, сказуемости. При отсутствии одного из перечисленных аффиксов сохраняется тот же порядок. У качественных прилагательных на первом месте за основой располагается, соответственно, показатель степени, у порядковых числительных – соответствующий показатель количественной соотнесённости, у имён действий – соответствующий показатель неличной формы глагола и т.д., затем повторяется вышеназванный порядок грамматических показателей. Что касается личных форм глагола, то можно проследить следующую особенность: за глагольной основой, включающей корень и словообразующий аффикс (если таковой имеется), следует залоговый показатель, затем – показатели отрицания (если есть), наклонения или времени, на последнем месте – показатель лица.

Обратим внимание: во всех случаях словоизменятельные аффиксы следуют за формообразующими, а формообразующие – за словообразующими. Естественно, следует отметить, что такие схемы расположения формообразующих и словоизменятельных аффиксов в некоторых случаях нарушаются. В частности, у имён показатели числа (формообразовательная категория) и принадлежности (словоизменятельная категория) могут «поменяться местами». Тем не менее на основе морфемного анализа значительного количества слов можно прийти к выводу, что при одновременном употреблении всех трёх

видов аффиксов формообразующие аффиксы традиционно находятся в препозиции по отношению к словоизменительным и в постпозиции по отношению к словообразующим аффиксам. По мнению К.Г. Ишбаева, такое ступенчатое расположение зависит от семантических особенностей аффиксов и основано на принципе следования от конкретного к абстрактному, от частного к общему. Как правило, посредством словообразующих аффиксов образуются слова с одним конкретным значением, а с помощью словоизменительных аффиксов – грамматические категории, которые считаются самыми абстрактными. Ещё раз напомним, что такая закономерность (ступенчатое расположение) сохраняется не во всех случаях.

Теперь обратимся к отличиям формообразования от словоизменения. Можно указать на следующее существенное, на наш взгляд, отличие формообразования от словоизменения. Формообразующие аффиксы (впрочем, как и словообразующие) не могут присоединяться к любому корню /основе/. Способность сочетания корневой морфемы /основы/ с формообразующей аффиксальной морфемой зависит от семантических особенностей обоих компонентов⁹. В частности, аффиксы категории субъективной оценки могут присоединяться только к определённой группе существительных (отдельным лексемам родства, названиям географических объектов, анатомическим единицам и т.д.) и прилагательных (обозначающих черты характера, указывающих на внешний облик и т.д.). Словоизменительные же аффиксы (принадлежности, падежа, лица), как правило, сочетаются с любой основой. Исключение составляет аффикс сказуемости, употребление которого носит избирательный характер.

При образовании формообразовательных категорий преобладает морфемный способ (аффиксация, сложение основ, редупликация). Словоизменительные категории, кроме морфемного (аффиксального) способа, регулярно образуются морфемно-синтаксическим и синтаксическим способами.

Формообразующие аффиксы независимы от сочетаний слов и появляются в слове по требованию содержания самого предложения или контекста в соответствии с целями и задачами говорящего. Словоизменительные аффиксы обязаны своим появлением грамматическому сочетанию двух слов.

⁹ Ишбаев К.Г. Башкирский язык. Морфемика. Словообразование. – Уфа: Гилем, 2000. – С. 25.

Таким образом, суммируя вышесказанное и основываясь на фактическом материале башкирского языка, можно утверждать следующее: главное отличие словоизменения от формообразования в том, что словоизменение тесно связано с синтаксисом, оно выражает синтаксические отношения слов в составе словосочетания и предложения, а формообразование – явление морфологическое, отражающее семантические отношения слов между собой.

Аффиксация в башкирском языке считается основным средством образования грамматических форм слова. Формообразующие аффиксы характеризуются полисемантической и полифункциональностью. Они, присоединившись к корню /или формообразующей основе/ слова, как правило, в определённой степени меняют его лексическое и грамматическое значения. В результате в рамках той же части речи образуется новая морфологическая категория с добавочным оттенком лексического значения. По этой причине данный вид аффиксов некоторые лингвисты называют аффиксами «функционально-грамматического словообразования»¹⁰. Формообразующие аффиксы, как и словообразующие, напрямую не связаны с синтаксическим употреблением слов. Исходя из этих признаков, к формообразующим можно отнести аффиксы следующих морфологических категорий: 1) наклонения и времени: *кал-ды, кал-ған, кал-а, кал-ыр, кал-асаҡ и т.д.*; 2) неличных форм глаголов: *кил-еү, кил-еүсе, кил-еп, кил-гәс, кил-ергә и т.д.*; 3) залога: *таб-ыл-, тап-тыр-, таб-ыш- и т.д.*; 4) субъективной оценки: *Ашказар-кай, ил-кәй, кош-сок и т.д.*; 5) числа: *бала-лар, етез-зәр, дүртенсе-ләр и т.д.*; 6) степени качества: *ак-һыл, ағ-ырак и т.д.*; 7) количественной соотнесённости: *ун-ар, ун-ау, ун-ынсы, ун-лап и т.д.*; 8) утверждения-отрицания: *уҡы- – уҡы-ма, һөйлә- – һөйлә-мә.*

Сочетание основ как способ формального выражения наблюдается при сочетании соответствующей аффиксальной формы, в частности деепричастия, со служебным словом, семантически взаимосвязанным с предыдущим аффиксом, выделяется и существует как одна сложная морфема аффиксального характера: *йөрө-й инек, йөрө-р инем, йөрө-й торғас*. Здесь сложные формативы *-й ине, -р ине, -й торғас* выступают как показатели соответствующей грамматической категории, где первая морфема выражает прошедшее незаконченное время глагола,

¹⁰ Баскаков Н.А. Историко-типологическая морфология тюркских языков: Структура слова и механизм агглютинации. – М.: Наука, 1979. – С. 115–117.

вторая – сослагательное /предположительное – Г.А./ наклонение, третья – дееспричастие со значением следствия¹¹.

Редупликация в области формообразования башкирского языка встречается в двух разновидностях: 1) полная редупликация: а) словарных форм слов, в частности прилагательных типа *матур-матур* (*кыззар*), *кыйыу-кыйыу* (*егеттәр*); б) аффиксальных форм слова, в частности регулярной формы дееспричастия типа *килә-килә* (*арыны*), *йөрөй-йөрөй* (*талсыкты*); 2) повторение лишь первого слога с добавлением морфемы *-п-* (или *-м-*) и с перенесением ударения на редупликат типа *кү'м-күк*, *йә'п-йәшел*.

К словоизменительной системе башкирского языка мы относим следующие категории, выражающие только грамматические значения и выполняющие в основном синтаксические функции: 1) категория принадлежности: *дәфтәр-ем* '(моя) тетрадь', *дәфтәр-ең* '(твоя) тетрадь', *дәфтәр-е* '(его, её) тетрадь', *дәфтәр-ебез* '(наша) тетрадь', *дәфтәр-егез* '(ваша) тетрадь', *дәфтәр-е* '(их) тетрадь' и т.д.; 2) категория сказуемости: *укуусы-мын* '(я) ученик', *укуусы-һың* '(ты) ученик', *укуусы-быз* '(мы) ученики', *укуу-сы-һығыз* '(вы) ученики' и т.д.; 3) категория падежа: *китап-тың* 'книги', *китап-ка* 'книге', *китап-тан* 'из книги', *китап-та* 'в книге' и т.д.; 4) категория лица глагола: *бар-а-м* '(я) иду', *бар-а-һың* '(ты) идёшь', *бар-а-быз* '(мы) идём', *бар-а-һығыз* '(вы) идёте', *бар-а-лар* '(они) идут' и т.д.

Показателями словоизменительных категорий в башкирском языке традиционно выступают аффиксы. Некоторые словоизменительные аффиксы выражают одновременно два или более принципиально различных грамматических значения.

В башкирском языке нередко наблюдается переход формообразующих и словоизменительных аффиксов в разряд словообразующих. Отметим следующие широко распространённые случаи использования формообразующих аффиксов в словообразовании: а) формообразующий показатель совместного залога *-ш* используется и в словообразовательных целях: *бел-* 'знать' – *бел-еш* 'справляться', *һук-* 'бить, ударять' – *һук-ыш* 'драться, воевать' и т.д.; б) аффикс числа *-лар/-ләр* (с фонетическими вариантами), присоединяясь к топонимическим наименованиям, обозначает коллектив людей, живущих на этой тер-

¹¹ Грамматика современного башкирского литературного языка. – М.: Наука, 1981. – С. 93.

ритории (об этом подробнее см. в 6-м параграфе диссертации); в) ныне воспринимаемый как показатель отглагольных прилагательных аффикс *-ар/-эр* на более раннем этапе развития языка являлся формообразующим аффиксом причастия будущего времени: *ос-ар* (*коштар*) '*перелётные птицы*', *эс-эр* (*һыу*) '*питьевая вода*' и т.д.; г) некоторые деепричастия с аффиксом *-а/-э* в современном башкирском языке употребляются в качестве наречий: *кырк-а* '*резко*', *кутар-а* '*сильно, помногу*' и т.д.

Остановимся на примере перехода словоизменительных показателей в разряд словообразующих. Как известно, в древнетюркском языке аффикс *-н/-ын/-ен/-он/-эн* считался показателем инструментального падежа. Во многих современных тюркских языках указанный падеж и ныне является одной из активно употребляющихся падежных форм. В башкирском языке инструментальный падеж отсутствует, его показатель участвует в образовании наречий: *йэй-ен* '*летом*', *кыш-ын* '*зимой*', *төн-өн* '*ночью*' и т.д. Большое количество других падежных форм (в частности, направительного, исходного, местно-временного падежей) в современном башкирском языке также перешло в наречия: *көс-кә* '*еле*', *яңы-нан* '*заново*', *баш-та* '*сначала, вначале*' и др.

Таким образом, в башкирском языке одна и та же форма может иметь два или несколько грамматических значений, а одно и то же значение может обозначаться то одним, то другим формальным средством. К примеру, аффиксы *-лы* и *-һыз*, которые традиционно считаются аффиксами отымённых прилагательных, образуют также падежные формы, выражающие значение обладания или отсутствия.

Мы полагаем, что в спорных случаях аффиксы такого типа в грамматиках следует классифицировать как относящиеся и к словообразованию, и к формообразованию, ибо такова специфика большинства из них в тюркских языках. Одни из формообразующих аффиксов по своему грамматическому значению стоят ближе к словообразованию, другие – к словоизменению, что зависит от семантики морфологической категории, представленной теми или иными аффиксами.

Во II главе «Функционально-семантическая интерпретация формообразовательной системы башкирского языка» даётся общая характеристика системы формообразования башкирского языка и рассматриваются такие формообразовательные категории, как: а) категория склонения и времени; б) залога; в) неличных форм глагола;

г) субъективной оценки; д) числа; е) степени качества; ж) количественной соотнесённости; з) утверждения-отрицания.

Первый параграф посвящён категории наклонения и времени глагола в башкирском языке. В современном башкирском языке существуют следующие формы наклонения: изъявительное, повелительное, намерения, условное, предположительное, желательное (А.А. Юлдашев, М.В. Зайнуллин).

В системе наклонений глагола только **изъявительное наклонение** выражает реальное действие, соотнесённое с определённой точкой отсчёта – с моментом речи. Это означает, что ни одно реальное действие не может совершаться вне времени. Исходя из этого, можно утверждать, что формы изъявительного наклонения и времени в какой-то степени представляют единую категорию времени-наклонения.

Грамматическая категория времени – это система противопоставленных рядов форм, выражающих отношение действия к моменту речи (или другой точке отсчёта). Грамматическое время является отражением объективного времени, но имеет и свои особенности.

В последние годы наблюдается тенденция детерминировать употребление временных форм речевой ситуацией, при этом подтверждается их взаимообусловленность: время служит одним из главных средств организации речевых ситуаций, и это обуславливает переплетение типов речевого высказывания (с их характерными временными перспективами). Изучение временных форм глагола с позиций коммуникативной направленности высказывания позволяет сделать выводы относительно закономерностей функционирования временных форм и темпоральной ориентации высказывания в каждом конкретном языке.

В настоящее время в башкирском языке функционируют следующие временные формы: 1) прошедшее определённое; 2) прошедшее неопределённое; 3) прошедшее незаконченное; 4) предпрошедшее определённое; 5) предпрошедшее неопределённое; 6) давнопрошедшее определённое; 7) давнопрошедшее неопределённое; 8) настоящее; 9) будущее определённое; 10) будущее неопределённое¹². Эта классификация принимается и в нашем исследовании.

¹² Зайнуллин М.В. Хәзерге башкорт әзәби теле. Морфология. – Өфө: Башкорт дәүләт университеты, 2002. – 104-се б.; Хәзерге башкорт теле / Яуаплы редакторзәры З.Ф.Ураксин, К.Ф.Ишбаев. – Өфө, 1986. – 215-се б.

Общепризнанным грамматическим значением **повелительного наклонения** является выражение нереального действия, которое нужно выполнить в будущем. В башкирском языкознании бесспорно императивными формами считаются формы второго лица единственного и множественного чисел, которые безоговорочно включаются в императивную парадигму практически всеми тюркологами¹³. Их целесообразно называть центральными (ядерными), или парадигмообразующими. Все остальные формы по отношению ко второму лицу являются периферийными.

Второе лицо единственного числа во многих тюркских языках представлено нулевой формой, совпадающей с глагольной основой: (*һин*) *йөрө* 'ты ходи, гулай' – *йөрө* 'ходить, гулять'. В то же время, как утверждает Н.Х. Максютова, функционируют и аффиксальные формы императива, которые активно употребляются в диалектах азербайджанского, туркменского, гагаузского, уйгурского, якутского, казахского, киргизского, татарского языков. А.Т. Кайдаров указывает на образование "почтительной формы" императива в уйгурском языке при помощи аффиксов -ң, -иң, -уң, -сила: *башлаң* 'начинайте', *килең* 'приходите', *олтырысла* 'садитесь'. С.Ф. Миржанова также отмечает наличие императива на -ң в караидельском, икском, гайнинском говорах северо-западного диалекта башкирского языка.

В тюркских языках, кроме аффикса -н/-ың/-ең, во втором лице единственного числа употребляются и аффиксы -ғын и -ғыл для выражения строгого (категоричного) повеления. Г.Ф. Благова и Х.Д. Данияров отмечают наличие таких форм в историческом памятнике "Бабур-наме". Формы на -ғын/-ген активно употребляются в туркменском литературном языке: *алғын* 'ты (обязательно) бери', *язғын* 'ты (обязательно) пиши' (ГТЯ–1970). В карачаево-балкарском языке этой формой выражается пожелание добра и зла (ГКБЯ–1976). Указанные категоричные формы характерны и для диалектов башкирского языка.

Формами третьего лица передаётся повеление, просьба и т.п. не непосредственно третьему лицу, а через собеседника. Вокруг форм

¹³ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные конструкции / Отв.ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 2002; Нейекбаев Ж.Ф. Хәзерге башкорт теле (Ситтән тороп укыусы студенттар өсөн лекциялар). – Өфө: БДУ нәшриәте, 2001; Зәйнуллин М.В. Хәзерге башкорт әзаби теле. Морфология. – Өфө: Китап, 2005.

первого лица повелительного наклонения мнения тюркологов расходятся: одни признают данную форму как императив (Н.А. Баскаков, Н.З. Гаджиева, Э.В. Севортян, Н.Т. Сауранбаев и др.), другие – как опатив (А.Н. Кононов, Н.К. Дмитриев, Дж.Г. Кiekбаев, М.З. Закиев и др.). Так, Н.Т. Сауранбаев мотивирует своё мнение тем, что побуждение к действию в этом наклонении может быть направлено и на самого говорящего в виде самопринуждения. Мы, в свою очередь, соглашаемся с мнением второй группы учёных и рассматриваем формы первого лица как желательное наклонение. Факты башкирского языка показывают, что повелительное наклонение может передавать множество оттеночных значений: указание, предложение, приказ, поручение, разрешение, обращение, наказ, предупреждение, упрощение, призыв, угрозу, просьбу, совет, рекомендацию, заклинание и т.д.¹⁴

Наклонение намерения выражает стремление совершить то или иное действие, а также предположение о его выполнении. В тюркском языкознании к данному наклонению подход неодинаков: если в казахском языке формы со значением намерения рассматриваются в рамках будущего времени изъявительного наклонения (Х.М. Сайкиев), то в туркменском (ГТЯ–1970), татарском (Б.А. Серебренников), башкирском (М.В. Зайнуллин, Р.Г. Тагирова, ХБТ–1986) и других языках признаются как самостоятельное наклонение.

В башкирском языке наклонение намерения представлено синтетической формой на *-максы/-максе*¹⁵. В некоторых тюркских языках (уйгурском, киргизском и др.) наклонение намерения передаётся и аффиксами *-калы/-галы*, *-каны/-гәне* (А.М. Щербак). Форма с аффиксом *-галы/-гәле* употребляется в восточном диалекте башкирского языка (Н.Х. Максютובה). Значение намерения в башкирском языке выражают и многочисленные аналитические конструкции.

Главным в семантической сущности **условного наклонения** считается выражение действия, которое могло бы стимулировать какое-либо другое действие, событие. Во всех тюркских языках, в которых

¹⁴ Зайнуллин М.В. О сущности и границах категории модальности: На материале башкирского и других тюркских языков. – Уфа: Изд-во Баш. ун-та, 2000. – С. 120.

¹⁵ Грамматика современного башкирского литературного языка. – М.: Наука, 1981; Зайнуллин М.В. Хәзерге башкорт әзәби теле. Морфология. – Өфө: Башкорт дәүләт университеты, 2002; Хәзерге башкорт теле / Яуаплы редакторлары З.Ф.Ураксин, К.Ф.Ишбаев. – Өфө, 1986.

оно представлено, исследуемое наклонение традиционно имеет показатель *-ha/-hə*. Заметим, что кроме аффикса *-ha/-hə* в диалектах башкирского языка часто используется условная форма на *-дыһиһә/-дениһә* (с фонетическими вариантами). По мнению Н.Х. Ишбулатова, данная форма указывает на конкретность и последовательность действий. Диалектологический материал башкирского языка свидетельствует также о том, что в говорах для передачи значения условия употребляется показатель *-дыһиһә/-дениһә* (с фонетическими вариантами): *Һораныһиһә, ебен торма, сатнатып яуап бир* (Ж.Кейекбаев) 'Если спросит, не робей, отвечай чётко (ясно)'.

Формы условного наклонения в башкирском языке, как и в других тюркских языках, могут употребляться самостоятельно и в сочетании с другими глагольными формами в составе условного периода¹⁶. В башкирском языке аналитические гипотетические конструкции с вспомогательным глаголом *тор-*, как и в карачаево-балкарском (ГКБЯ–1976), татарском (ТГ–2002), азербайджанском (ГАЯ–1971) и других тюркских языках, имеет оттенок длительного и многократного условия.

Нужно отметить, что **предположительное наклонение** в описательных грамматиках конкретных тюркских языков не всегда включается в систему форм глагольных наклонений. Рассматриваемое наклонение традиционно образуется при помощи формантов, общих с изъявительным наклонением.

Основным в семантической сущности форм конъюнктива является гипотетичность выражаемого глагольной основой действия. При этом само предположение пропускается через сознание говорящего или субъекта действия, через его волю, чувства, знания, желания, возможность, стремление и т.п. Каждая из этих граммем дополняет категориальное значение гипотетичности специфическим семантическим оттенком. Характерной особенностью предположительного наклонения является выражение действия как предположительного, желательного, возможного, но реально не существующего.

¹⁶ Юлдашев А.А. Система словообразования и спряжение глагола в башкирском языке. – М., 1958; Грамматика современного башкирского литературного языка. – М.: Наука, 1981; Кейекбаев Ж.Ф. Хәзерге башкорт теле (Ситтән тороп укыусы студенттар өсөн лекциялар). – Өфө: БДУ нәшриәте, 2001; Бахтияргареев Д.Т. Условное наклонение глагола в башкирском языке: АКД. – Уфа, 1999.

В тюркологии **желательное наклонение** привлекает внимание лингвистов неоднородностью грамматических форм его выражения. В своё время Л.Ф. Благова отметила тенденцию к сверхнормальному усложнению опативных форм в тюркских языках. Парадигматическое значение форм желательного наклонения сводится к пожеланию говорящего совершить определённое действие. В то же время фактический материал башкирского языка позволяет сделать вывод о том, что в конкретно взятом контексте формы желательного наклонения могут выражать различные оттенки: побуждение, решение, опасение, мольбу, раскаяние, заклинание и т.п.

Заметим, что формы 1-го лица желательного наклонения *-айым/-әйем*, *-айык/-әйек*, *-йык/-йек* отдельные языковеды рассматривают как форму единого повелительно-желательного наклонения (Н.А. Баскаков, Ш. Шукуров, К. Ишанов). Данный факт в какой-то степени, видимо, можно объяснить тесной взаимосвязанностью вышеуказанных наклонений. Тем не менее, на наш взгляд, у каждого из них есть собственное ведущее грамматическое значение.

В башкирском языке встречаются и желательные формы на *-һана/-һәнә*, которые сохранились в основном в фольклорных образцах. Считается, что аффикс *-һана/-һәнә* указывает на значение желательности больше по сравнению с остальными морфологическими показателями: *әйтһәнә* 'скажи-ка', *кайтһана* 'вернись-ка'.

Страстное пожелание, мольба передаются формами типа *алһамсы* 'взять бы', *тойһонсо* 'почувствовал бы'¹⁷. Кроме форм 1-го лица, значение желания в современном башкирском языке передаётся различными аналитическими конструкциями.

Второй параграф диссертации содержит системный анализ **неличных форм глагола**, главной особенностью которых является неизменяемость по лицам. Различие между личными и неличными формами глагола сводится к тому, что первым из них свойственны чисто глагольные категории, для вторых же, кроме глагольных свойств, характерны и грамматические категории других частей речи. Можно констатировать, что категория неличных форм глагола, включающая в себя имена действия, причастия, инфинитивы, деепричастия, уступает категории наклонения (личным формам глагола) в передаче наиболее полного отражения объективной действительности, поскольку

¹⁷ Зайнуллин М.В. О сущности и границах категории модальности: На материале башкирского и других тюркских языков. – Уфа: Изд-во Баш. ун-та, 2000. – С. 123.

не участвует в формировании основных грамматических признаков предложения – предикативности и модальности.

Занимая промежуточное положение между именем и глаголом, **имя действия**, с одной стороны, имеет формы падежа, принадлежности, числа; с другой, обозначает действие или состояние, примыкает к глагольной лексике¹⁸.

В нынешней стадии развития башкирского языка самой распространённой формой считаются имена действия с показателем *-ыу/-еу*. Имена действия на *-мак/-мэк*, считавшиеся наиболее употребительной формой в XVII-XVIII веках, обозначают действие, состояние и целевые характеристики действия и состояния, их целенаправленность (К.Г. Ишбаев, Г.Д. Ибрагимов). Форма на *-ма/-мэ* первоначально, видимо, закрепились в языке лишь в значении инфинитива. В процессе длительного исторического развития значение этой формы расширилось, она стала более номинативной и начала употребляться и в функции имени действия. Имена действия, образованные посредством аффикса *-ма/-мэ*, несмотря на широкую распространённость указанной формы в других тюркских языках (казахском, киргизском, уйгурском, узбекском, каракалпакском, туркменском, азербайджанском, татарском и т.д.), в башкирском языке почти не встречаются. Имена действия с аффиксом *-ыш/-еш* активно используются в азербайджанском, турецком, туркменском, узбекском, уйгурском языках (Э.В. Севортян, А.Н. Кононов, К. Мелиев); в башкирском языке указанная форма отличается наибольшей субстантивированностью, склоняется, может иметь показатели принадлежности и числа.

Причастия башкирского языка представляют собой неличную атрибутивную форму глагола, которая обозначает, как и прилагательные, признак предмета, но признак непостоянный, временный, процессуальный, и имеет признаки глагола, обозначающие значение процесса. В отличие от других неспрягаемых форм глагола причастия имеют категорию времени, но выражают его не как спрягаемый глагол в конкретной форме, а «путём характеристики предмета в связи со временем» (Р.И. Байсурина).

¹⁸ Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948; Юлдашев А.А. Система словообразования и спряжение глагола в башкирском языке. – М., 1958; Зейнуллин М.В. Хәзерге башкорт әзәби теле. Морфология. – Өфө: Башкорт дәүләт университеты, 2002; Хәзерге башкорт теле / Яуаплы редакторзлары З.Ф.Ураксин, К.Ф.Ишбаев. – Өфө, 1986.

Временное значение является одним из главных грамматических признаков причастий, так как оно связано с содержанием этих слов: вне времени нет действия и состояния. Если причастия теряют временное значение, то они переходят в другие части речи: существительные (*киләсәк* 'будущее', *һатыусы* 'продавец'), прилагательные (*осар /коштар/* 'перелётные птицы', *эсәр /һыу/* 'питьевая вода'), наречия (*уйламастан* 'неожиданно', *аңғармастан* 'незначай') и т.д. Причастия башкирского языка характеризуются тремя временными формами: прошедшего, настоящего и будущего времени. Прошедшее время представлено формой на *-ған/-гән*, которая считается в языке самой продуктивной. Причастия настоящего времени имеют две формы: а) синтетическую форму на *-ыусы/-еүсе*; б) аналитическую форму на *-а/-ә + торған*. Причастие будущего времени представлено тремя формами: а) формой на *-ыр/-ер*, обозначающей значение неуверенного предположения; б) формой на *-асат/-әсәк*, выражающей модальное значение уверенного предположения; в) формой на *-аһы/-әһе* с модальным значением долженствования и необходимости. Здесь, на наш взгляд, уместно выделить древнюю форму причастий будущего времени на *-ар/-әр*, которая в нынешней стадии развития языка воспринимается как прилагательное: *янар* (*тау*) 'горящая гора (вулкан)', *быуар* (*йылан*) 'удав', *осар* (*балык*) 'летучая рыба' и т.д.

Инфинитив существенно отличается не только от личных форм глагола, но и от таких неличных форм, как имя действия, причастие и деепричастие. Характерной чертой инфинитива является его неизменяемость по лицам, числам, временам и наклонениям; он также не склоняется и не принимает аффиксов принадлежности, множественности.

По выражаемым значениям инфинитивные формы в башкирском языке, как и в других тюркских языках, можно подразделить на два вида: 1) формы однозначные, употребляющиеся только в значении инфинитива; так называемые собственно инфинитивы с аффиксами *-ырга*, *-ыуга*, *-маға*, *-макка*, *-ғалы*; 2) формы многозначные, в определённых синтаксических конструкциях обладающие, кроме инфинитивного, значениями других неличных глаголов (имени действия, деепричастия, причастия); это формы с аффиксами *-мак*, *-ыу*, *-ма/-мә*, *-ыр*. Опираясь на собранный фактический материал, из вышеназванных форм можно отметить высокую активность и продуктивность в языке инфинитива на *-ырга*, характерность форм на *-мак*, *-маға*.

-макка, -ыуга, -ма/-мэ в основном для разговорной речи и наличие ограниченного количества форм инфинитива с аффиксом -галы лишь в исторических памятниках.

В большинстве существующих грамматических исследований тюркских языков **деепричастие** характеризуется как некая гибридная категория, сочетающая в себе одновременно признаки двух частей речи – глагола и наречия. Некоторые тюркологи считают его особой разновидностью отглагольных форм или же отглагольным наречием (А.Н. Кононов, Ф.Г. Исхаков, А.А. Пальмбах), то есть фактически выводят его из системы глагола. Другие сближают деепричастие с личными формами глагола, считая его заместителем этих форм (А.Н. Самойлович).

В лексико-семантической основе деепричастия лежит значение процесса, соотнесённого с его производителем. В данном исследовании нами рассматриваются следующие деепричастные формы: а) деепричастия с показателем -п; б) формы на -а/-э/-й; в) деепричастия с аффиксом -ҫаҫ/-зәс; г) деепричастия с показателем -ғансы; д) формы на -ғанса; е) деепричастия с аффиксом -ышлай.

Третий параграф исследования посвящён семантическому обоснованию категории залога. Отметим, что в большинстве тюркологических исследований (Н.А. Баскаков, А.А. Юлдашев, А.Х. Фатыхов, Л.Н. Харитонов, К.З. Зиннатуллина, Л.Ф. Благова, С. Султансомадова, С. Махматкулов, Э.А. Грунина, В.Г. Гузев, А.И. Геляева и др.) всякая производная форма, образованная с помощью залоговых аффиксов, относится к тому или иному залогу, что не соответствует действительности. Во-первых, производная форма с одним из залоговых аффиксов не всегда обладает значением данного залога. Во-вторых, осложнение основы глагола тем или иным залоговым аффиксом во многих случаях сопровождается изменением её семантики, в результате чего образуется новая лексическая единица. Исходя из этого, одни тюркологи рассматривают залог как словообразовательную категорию, другие – как лексико-грамматическую, третьи – как словоизменительную, четвёртые видят в ней исторически переходную категорию от словообразования к словоизменению (Э.В. Севортян, Л.Ф. Благова, С.Н. Иванов, В.Г. Гузев и др.). В нашей работе залог рассматривается как формообразовательная категория, представляющая собой совокупность форм, объединённых общим грамматическим значением. В башкирском языке традиционно выделяют пять залоговых форм: основной, страдательный, возвратный, взаимно-

совместный, понудительный залого (А.А. Юлдашев, ГСБЛЯ–1981, М.В. Зайнуллин).

Почти во всех современных тюркских языках **основной залог** трактуется как исходная форма по отношению к косвенным залогам. Его называют также «прямым», «исходным» (Н.А. Баскаков) или «неоформленным» (Д.А. Джафаров) залогом. Основной залог в тюркологии, в том числе в башкирском языкознании, принято определять как выражение совершения действия самим субъектом. В соответствии с этим определением к основному залогоу следовало бы отнести только переходные глаголы и некоторые глаголы активного действия (глаголы движения). Получается, что непереходные глаголы, выражающие действия, сосредоточенные в субъекте и происходящие без его активного участия, не укладываются в рамки как основного, так и косвенных залогов. На это обратил внимание А.А. Юлдашев: «Если основной залог выделить как действительный залог, то придётся выделить ещё какой-нибудь залог для непереходных глаголов»¹⁹. Поскольку семантический признак активности-пассивности субъекта в совершении действия не может считаться залоговой характеристикой глагола, то непереходные глаголы пассивного действия (глаголы состояния) следует рассматривать в сфере основного залога. По мнению А.А. Юлдашева, основной залог имеет две разновидности: 1) действительный залог, при котором подлежащее обозначает реального производителя данного действия или состояния: *Атайым ихатала мал карай* (Д.Бүләков) 'Отец во дворе ухаживает за скотом'; 2) средний залог, при котором подлежащее является носителем, а не производителем состояния или (реже) действия: *Китергә һанаулы ғына минуттар калды* (Д.Бүләков) 'Остались считанные минуты до отъезда'.

В тюркологии нет общепризнанного определения **страдательного залога**. Многие авторы отличительным признаком страдательных глаголов считают направленность действия на субъект и указывают, что в конструкции со значением актива действие исходит от подлежащего, а в страдательной – направлено на подлежащее. И как следствие – страдательный залог в некоторых исследованиях определяется как обозначение действия, совершаемого грамматическим объектом и направленное на грамматический субъект (Н.А. Баскаков). Мы

¹⁹ Юлдашев А.А. Система словообразования и спряжение глагола в башкирском языке. – М., 1958. – С. 103.

берём за основу определение В.Г. Гузева²⁰ и, несколько переформулировав его, предлагаем следующую трактовку: значение страдательного залога – это некий образ, где отражено и закреплено такое отношение между действием и предметом, при котором предмет выступает как объект прямого воздействия. Показателем данной формы в башкирском языке является аффикс *-л*. В то же время следует учесть, что после основ с конечным *-л* употребляется аффикс *-н*, обычно служащий показателем возвратного залога: *Иәшел шырышы бизәлгән матур тәтәйҙәр менән (И.Гәрәй) 'Зелёная ель украшена красивыми игрушками'. Иылға аша семәрле күпер һалынған (Ш.Янбаев) 'Через реку построен узорчатый мост'.*

Определение значения формы **возвратного залога** в общих чертах одинаково почти во всех существующих работах по этой теме. Считается, что указанной формой выражается действие, направленное на самого производителя, то есть на того, кто его совершает. Иными словами, при возвратном залоге субъект действия исходной основы характеризуется как действующий в отношении себя: *Хәзергә һөйләпеп йөрөһөндәр әле (Ф.Исәнғолов) 'Пусть пока болтают'.* Показателем возвратности в башкирском языке выступает общетюркский аффикс *-н* (А.А. Юлдашев, ГСБЛЯ–1981, М.В. Зайнуллин, ХБТ–1986). Образование формы этого залога в большей мере, чем какой-либо другой косвенной залоговой формы, зависит от характера лексического значения исходной глагольной основы. Факты башкирского языка позволяют говорить о том, что показатель возвратного залога присоединяется только к глаголам, выражающим действия, которые могут быть осмыслены либо как направленные на само действующее лицо, либо как локализующиеся в самом субъекте.

В последние годы в тюркологии отмечается тенденция рассмотрения **взаимно-совместного залога** в качестве лексикограмматической категории, в то же время не отвергается его предназначенность для выражения грамматических отношений. Это вполне объяснимо: более чем какая-либо залоговая форма взаимный залог сохраняет яркие признаки своей связи со словообразованием. Взаимно-совместный залог в общетюркском плане представляется как древнейший. Показатель этого залога аффикс *-ш*, присоединяясь к

²⁰ Гузев В.Г. Система тюркских словоизменительных категорий в функционально-семантическом аспекте: АКД. – Л., 1986. – С. 8.

переходным глагольным основам, прежде всего изменяет объектные связи исходной основы. Форма на *-ш* в тюркских языках, в том числе в башкирском языке, отличается многозначностью. В одном случае этой залоговой формой выражается действие, совершаемое двумя или несколькими субъектами по отношению друг к другу, в другом – одноимённые однонаправленные действия определённого числа субъектов или оказание помощи одного лица другому в реализации действия: *Улар бөгөн якын дуҫтар булып айырылыштылар* (Г.Дәүләтшина) 'Они сегодня расстались близкими друзьями'. *Изәнен һеперешеп, утынн ырыҫға, койонан һыу килтерергә яҙамлаша торғайны* (Т.Ғарипова) 'Помогала подметать пол, колоть дрова, нести воду из колодца'. Исходя из этого, общепризнанными считаются два основных значения взаимно-совместного залога: взаимное и совместное. Некоторые исследователи предлагают рассматривать их в качестве двух самостоятельных залоговых форм (В.Н. Джанаева).

Форма взаимно-совместного залога образуется не от любой глагольной основы. В каждом конкретном случае возможность образования формы взаимно-совместного залога от определённого глагола зависит от характера обозначенного этим глаголом действия. Последним обуславливается и определённый способ реализации этого действия: либо двумя или более субъектами по отношению друг к другу, либо несколькими производителями совместно. Отсюда следует, что образование формы указанного залога находится в прямой зависимости от особенностей лексического значения производящей глагольной основы, её принадлежности к тому или иному семантическому разряду.

Понудительный залог служит для передачи таких отношений, когда один участник ситуации побуждает (позволяет, даёт возможность) другого к совершению действия, выраженного исходной основой. При этом сам грамматический субъект не принимает непосредственного участия в осуществлении обозначенного глагольной основой действия. Формы данного залога в башкирском языке представлены аффиксами *-ыт/-ет*, *-ыр/-ер*, *-дыр/-дер*, *-кыр/-кер*, *-кар/-кәр*, *-кыз/-кез*, *-һат/-һәт*, *-ыз/-ез* (с фонетическими вариантами) (Н.К. Дмитриев, М.В. Зайнуллин, ГСБЛЯ–1981, ХБТ–1986): *Бөгөн кайһылай юктан тауыш сығартты ана* (З.Бишева) 'Вон сегодня (по его инициативе) ни из-за чего поднялся шум'.

Отмечают два общепризнанных основных значения понудительного залога: а) выражение реального действия субъекта-подлежащего,

обязательно обращённого на объект – прямое дополнение; который, испытывая стимулирующее воздействие подлежащего, по возможности содействует ему в осуществлении переходного действия: *ашат- 'кормить', эсер- 'поить'*; б) выражение осуществления активного действия не самим подлежащим при возможном участии другого лица (на которого обращено действие), а обязательно другим лицом по инициативе или воле подлежащего; подлежащее не принимает в действии непосредственного участия: *ебэрт- 'заставлять отправить (куда-либо)', бэйләт- 'заставлять связать'* и т.д. (ГСБЛЯ–1981). Как свидетельствует фактический материал башкирского языка, понудительные формы неодинаково продуктивны и употребительны.

В четвёртом параграфе рассматривается место единиц категории субъективной оценки в системе языка. Набор лексико-грамматических средств, выражающих ласку, нежность, снисходительность, жалость по отношению к окружающим людям, животным, восхищение объектами природы и т.д., представляет категорию субъективной оценки. Формы субъективной оценки, выражая понятие о предмете, лице или явлении, могут передавать самые тонкие оттенки иронии, пренебрежения и т.п. В школьных и вузовских грамматиках данную категорию именуют также уменьшительно-ласкательными формами и эмоциональной лексикой.

Для передачи субъективной оценки в башкирском языке используются отдельные лексические единицы и аффиксы *-кай/-кэй, -кас/-кәс, -сыт/-сек/-сок/-сөк, -сак/-сәк, -ым/-ем/-ом/-өм/-м* (Н.К. Дмитриев, Дж.Г. Киекбаев, М.В. Зайнуллин, З.Г. Ураксин, З.И. Салыхова). Перечисленные аффиксы полисемантичны. Кроме указания на субъективность оценки, они обладают также словообразовательным и другими грамматическими значениями. В некоторых случаях возникают затруднения при отнесении их к тому или иному виду аффиксов: к словообразующему, формообразующему или словоизменительному. В нашей работе они рассматриваются как формообразующие аффиксы. Категория субъективной оценки в башкирском языке распространяется на имена существительные и прилагательные, изредка встречается и в других частях речи.

В пятом параграфе анализируется категория степени качества. В лингвистике под степенями качества традиционно подразумевается качественное проявление того или иного признака, свойства в разной степени. Один и тот же признак качества в тюркских языках, в том числе и в башкирском, может по-разному проявляться в многочис-

ленных предметах или явлениях действительности. При этом за исходную точку отсчёта условно принимается некая нейтральная форма, по сравнению с которой данный признак в одних формах может содержаться в большей степени, а в других – в меньшей.

Категорию степени качества тюркологи нередко называют категорией степени сравнения. Вслед за А.М. Щербаком²¹, мы считаем, что говорить о наличии степеней сравнения в тюркских языках, в том числе и в башкирском, неправомерно, так как соответствующие формы выражают не только сравнительные отношения между качествами разных предметов или явлений (*Күлдәгем таҫманан ағыраҡ* 'Платье белее ленты'), а качество само по себе, с точки зрения говорящего, устанавливающего его тождественность "норме" (*аҡ* 'белый'), недостаточность (*аҡһыл* 'белесый') или превышение "нормы" (*ап-аҡ*, *бик аҡ* 'пребелый, очень белый').

Видимо, по этой причине Н.К. Дмитриев предлагал называть формы ослабления или усиления качества "абстрактными" формами сравнения, а формы степеней сравнения, где сравнение основано на сопоставлении качеств разных предметов, – "конкретными" формами сравнения. И абстрактные, и конкретные формы сравнения, по мнению Н.К. Дмитриева, исходят из одной нормативной степени качества, которую в грамматиках называют положительной степенью.

Традиционная грамматика выделяет в современном башкирском языке четыре степени качества: положительную, сравнительную, уменьшительную и превосходную (Н.К. Дмитриев, ГСБЛЯ–1981, М.В. Зайнуллин, ХБТ–1986).

Положительная степень выражает качество, признак безотносительно к свойству других предметов и употребляется без специальных аффиксов: *Мин йыл әйләнәһенә йәшел урман эсендә йәшәргә теләйем* (Н.Мусин) 'Я хочу круглый год жить в зелёном лесу'. **Сравнительная степень** показывает, что названный признак представлен в предмете в большей или меньшей степени, чем признак другого предмета. Данная степень в башкирском языке выражается синтетическим, аналитико-синтетическим и аналитическим способами. При синтетическом способе к качественным прилагательным, наречиям некоторых лексико-семантических разрядов, а также отдельным причастиям,

²¹ Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). – Л.: Наука, 1977. – С. 113.

деепричастиям, местоимениям присоединяется аффикс *-рат/-рәк/-ырат/-ерәк/-орат/-өрәк*: *Азырак һүҙһез ултырғас, баһалтырак тауыи менән өстәнә*: – Теләгән булғас, әйттерербез инде (Д.Бүләков) *‘Чуть по-сидев молча, относительно сдержанным голосом добавил: – Раз есть желание, посватаем (невесту)’*. Аналитико-синтетический способ представлен следующими формами: а) сравниваемый предмет используется в форме основного падежа, а объект сравнения – в исходном падеже: *Әйе, тыуған ерҙән дә матурырак урын бармы ни донъяла!* (З.Бишшева) *‘Да, разве есть в мире место красивее родного края!’*; б) объект сравнения принимает форму основного либо направительного падежа; одновременно используются аффикс *-рак* и послелог *менән/сағыштырғанда* *‘по сравнению с ...’* или *карағанда* *‘по отношению к ...’*: *Үгез Ғабдуллаға карағанда етезерәк булып сықты* (М.Кәрим) *‘Бык по сравнению с Ғабдуллой оказался проворнее’*. *Уның эштәре Вәзирҙеке менән сағыштырғанда һәйбәтерәк ине* (М.Кәрим) *‘Его дела по сравнению с (делами) Вәзира были лучше’*; в) значение сравнения прилагательного или наречия, снабжённого аффиксом *-рак*, усиливается частицей *тағы ла* *‘ещё’*: *Байрас, уның якынайыуын тойғандай, тағы ла дәртлерәк көйгә күсте* (З.Бишшева) *‘Байрас, будто почувствовав её приближение, перешёл на ещё более задорную мелодию’*. При аналитическом способе сравниваемый предмет используется в основном падеже, а объект сравнения – в исходном; аффикс сравнения при этом отсутствует: *Намыс аксанан киммәт* (Мәкәл) *‘Честь дорожке денег’*.

В башкирском языке сфера распространения сравнительной степени достаточно широка и охватывает в основном прилагательные и наречия. В то же время на основе наблюдений можно утверждать, что форма сравнительной степени менее характерна для наречий по сравнению с прилагательными. Отметим, что в зависимости от контекста аффикс *-рак* может обозначать неполноту, недостаток качества против обыкновенного, но не в аспекте сравнения с другими предметами или признаками.

Уменьшительная степень указывает на ослабление, уменьшение качества по отношению к признаку, выражаемому положительной степенью. Значение ослабления может передаваться по-разному: а) путём присоединения к качественным прилагательным аффиксов *-ғылт/-гелт*, *-ғыл/-гел*, *-ғылым/-гелтем* (с фонетическими вариантами), *-һыу/-һоу*, *-һыл/-һел*: *күкһел* (томан) *‘синеватый (туман)’*, *йәшкелт* (төс) *‘зеленоватый (цвет)’*; б) у прилагательных и наречий в качестве

специального показателя используется частица *-ғына/-генә/-кына/-кенә*: *йәка ғына* (дәфтер) 'тоненькая (тетрадь)', *тиз генә* (килтәр) 'быстренько (принеси)'; в) при образовании уменьшительной степени в редких случаях может использоваться и аффикс *-са/-сә*: *һалҡына* (ел) 'прохладный (ветер)', *озонса* (йөз) 'продолговатое (лицо)'.

Превосходная степень (интенсив) – это форма проявления качества, признака в большей степени, чем в исходной. Остановимся на наиболее распространённых способах передачи усиления признака. К гласному первого слога присоединяется морфологический элемент *-н* или *-м*; за этим слогом, усиливающим значение интенсива, следует прилагательное или наречие в исходной форме: *Әллә ни тиклем сер йәшеренгән ике йәм-йәшел күз төбәләп тора ине уға* (Н.Мусин) 'На него были устремлены ярко-зелёные глаза, скрывающие в себе столько тайн'. Превосходная степень образуется также повторением основ: *Шул ваҡыт матур-матур коштар уның кулбашына килеп ҡуналар, ти* (Әкиәттән) 'В тот момент, говорят, наикрасивейшие птицы садятся ему на плечо'.

Как особую форму интенсива можно рассматривать редуцированные прилагательные в притяжательном и исходном падежах: *Эй һылыузарыҡ-һылыуы Һыуһылыу!* (Эпостан) 'О красивейшая из красивых Хыухылу!', *Сибәрзәрҙән-сибәр – һин генә!* (М.Кәрим) 'Красивейшая из красивых – только ты!'. В башкирском языке значение усиления признака достигается при помощи частиц *бик, үтә, ныҡ, ифрат, иң, ғәжәп* 'очень' и т.п. (З.З. Абсалямов, ГСБЛЯ–1981, М.В. Зайнуллин, ХБТ–1986): *Уралдағы ана шул иң зур, иң матур тауың аряғында безҙең ауыл* (Н.Мусин) 'Наша деревня вон за той самой большой, самой красивой горой на Урале'. Подобных сочетаний бесчисленное множество, и они на первый взгляд не имеют прямого отношения к морфологии, так как являются относительно свободными: к одному и тому же прилагательному или наречию могут присоединяться разные частицы, выражающие крайнюю меру насыщенности признака. Вместе с тем некоторые из таких частиц выступают только с определённой группой слов.

Данная категория в башкирском языке распространяется на качественные прилагательные, наречия места, времени, образа действия, меры и степени. В сферу функционирования категории степени качества включаются также отдельные формы причастий, деепричастий, местоимений.

В шестом параграфе описывается функционально-семантическая природа категории числа. Мы склонны придерживаться мнения о том, что значение единичности слов в башкирском языке выявляется в определённом контексте или при общей речевой ситуации, то есть выражается неграмматическими средствами; а у множественного числа есть свой морфологический показатель *-лар*.

Коммуникативное предназначение множественного числа – сигнализация о том, что предметы, называемые основами словоформ, находясь в количестве более одного (В.Г. Гузев). В башкирском языкознании выделяется в основном два значения множественного числа, которые выражают: а) индивидуальное множество; б) коллективное множество (Дж. Г. Киекбаев, М.В. Зайнуллин, Э.Ф. Сафина). Индивидуальное множество означает совокупность однородных предметов, объединённых по определённому (одинаковому) признаку: *Һыу сите кырсын, куйы бөзрә талдар менән капланған* (З.Бишшева) 'Побережье покрыто галькой, густыми кудрявыми ивами'. Коллективное множество характеризует то или иное лицо как представителя не уточнённого множества, то есть служит обозначением лица и его окружающих, составляющих единое целое: *Шәүрәләрең йорттары Сәрбиямалдарға капма-каршы ултыра* (З.Бишшева) 'Двор Шауры (и её семьи) расположен напротив (дома) Сарбиямал (и её семьи)'.

Основными способами выражения множественного числа в башкирском языке выступают морфемный, лексический, синтаксический, лексико-синтаксический.

В седьмом параграфе даётся характеристика категории количественной соотнесённости. Несколько разновидностей количественной соотнесённости объектов реальной действительности нашли отражение в значениях форм порядковых, собирательных, разделительных, приближительных, дробных числительных, а также числительных меры. Перечисленные разряды числительных традиционно относятся к формообразовательным категориям, ибо "их значения оставляют неизменным категориальное значение числительных – значение конкретной количественности, лишь дополняя его служебной информацией о соответствующем характере количественной соотнесённости"²².

²² Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Имя (на материале староанатолийско-тюркского языка). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – С. 106.

Порядковые числительные выражают порядковые номера, присваиваемые предметам или явлениям при счёте, и располагаются в естественном числовом порядке. Эта последовательность предметов осознаётся как их признак, и с этой точки зрения, по мнению Н.К. Дмитриева, порядковые числительные приближаются к категории прилагательных. В подавляющем большинстве тюркских языков, имеющих количественные числительные, как правило, есть и порядковые. В башкирском языке порядковые числительные образуются от основ количественных числительных присоединением аффикса *-нсы/-ынсы/-енсе/-өнсө*: – *Ә бишенсе алмағас кемдеке була һуң, әсәй? – тим мин (М.Кәрим) – А пятая яблоня чья же, мама? – говорю я*.

Собирательные числительные обозначают совокупность предметов, вещей, лиц и т.п. по количеству составляющих её единиц. Образуются от количественных числительных посредством аффикса *-ау/-әү* и наблюдаются в первом десятке: *Уларзың икәүһе кара-каршы сүкәйешеп ултырзылар (Һ.Дәүләтшина) 'Двое из них сели напротив друг друга'*. Заметим, что числительные с аффиксом *-ау/-әү* при абстрактном счёте и арифметических действиях используются как количественные: *Егәрленең кулы етәү 'У трудолюбивого семь рук'*.

Разделительные числительные, образуемые от количественных присоединением аффикса *-ар/-әр*, используются для обозначения количественно однородных групп, на которые распределено данное множество: *Ғабдулла менән Айҙарға өсәр перәник, калғандарға – берәр, бөтәһенә лә тигеҙ (М.Кәрим) 'Габдулле и Айдару по три пряника, остальным – по одному, всем поровну'*. В башкирском языке повтор одних и тех же чисел, следующих друг за другом, передаёт одинаковое, равномерное распределение предметов по группам, что указывает на многократность такого распределения: *Ағай, ишеткәнһеңдер, Кузьмин утарынан игенде калаға иллешәр-иллешәр йөкләп озаталар (Һ.Дәүләтшина) 'Дядя, (ты) наверно, слышал, что из Кузьминского хутора в город отправляют по пятьдесят возов зерна'*.

Числительные приблизительного счёта выражают приблизительное, примерное, точно не подсчитанное количество предметов. В башкирском языке образование приблизительных числительных осуществляется следующими способами: а) присоединением к количественным числительным аффикса *-лап/-ләп*: *Касандыр башкорттоң етмешләп калаһы булған, уларҙа ултыраҡлы халыҡ йәшәгән (Ә.Бейеш) 'Ко-*

гда-то у башкир было около семидесяти городов, в них жил оседлый народ'; б) при помощи аффикса -лаған/-ләгән: Урамдарға йөзләгән листовка йәбештерелде (Х.Мохтар) 'На улицах были приклеены сотни листовок'; в) путём использования количественных числительных в форме множественности: Юлия Ивановна, безгә сәғәт өстәрҙә тағы приём башларға кәрәк (Һ.Дәүләтшина) 'Юлия Ивановна, нам примерно в три часа опять нужно начинать приём'; г) посредством сочинительной связи двух количественных числительных: Ғалимдар раслауынса, кеше өс-дүрт сәғәткә һуңға калып йокларға ятһа, уның хәтерә күпкә насарлана (Ә.Мифтахова) 'По утверждениям учёных, если человек ложится спать на три-четыре часа позже (обычного), то его память намного ухудшается'; д) употреблением вспомогательных слов *тирәһе*, *самаһы* 'около', *күберәк*, *артык* 'больше', *якын* 'ближе, около', *кәм* 'меньше' и т.д. рядом с количественными числительными: Рәсәйҙең көнсығыш сиген әлегә көндә егермәгә *якын* һыбайлы башҡорт полкы һаҡлай (Я.Хамматов) 'Восточную границу России ныне охраняют около двадцати конных башкирских полков'; е) посредством сочинительной связи двух разделительных числительных, при котором наименование меньшего числа ставится перед наименованием большего: Һәр кемдең тиерлек *икешәр-өсәр* кешеһе кайҙалыр кан түгә (Һ.Дәүләтшина) 'Почти у каждого по два-три родственника где-то проливают кровь'; ж) использование в разговорной речи слова *бер* также усиливает значение приближительности: *Бер* *кырк* кеше булғандыр 'Было, наверно, около сорока человек'. *Бер* *ун биш* минуттан килермен 'Буду где-то через пятнадцать минут'.

Дробные числительные показывают, на сколько равных частей разделено одно целое и сколько из полученных частей взято во внимание. Компонентами дробных числительных выступают количественные числительные: Земнатың кәңәше буйынса, уның да *өстән бер* өлөшөн генә күрһәттеп, калғанын *бер* кемгә лә белдермәскә кәрәк (Һ.Дәүләтшина) 'По совету земнача, нужно показать только одну третью часть, про остальную никто не должен знать'. В сложных дробных числительных типа *ике бөтөн ундан бер* ($2\frac{1}{10}$) 'две целых одна десятая', *дүрт бөтөн өстән бер* ($4\frac{1}{3}$) 'четыре целых одна третья' предыдущее числительное связывается с последующими при помощи слова *бөтөн* 'целое'. В башкирском языке вместо дробных числительных могут употребляться слова *ярым*, *ярты* 'половина', *сирек* 'четверть', *әсмуха* 'восьмая часть': *Бер ярым* миллион тоннанан

артык юғары сифатлы иген йыйып алынды ("Иэшлек" гәзитенән) 'Собрано свыше полутора миллионов тонн высококачественного зерна'.

Числительные меры характеризуют предмет по мере объёма, величины и образуются от количественных числительных посредством аффикса -лы/-ле/-лө: *өслө галош* 'галoша третьего размера', *йөзлө лампочка* 'лампочка на сто ватт', *кыртлы ботинка* 'ботинок сорокового размера': *Мәғфүрә оло абажурлы етеле* лампыны яндырып элде (Һ.Дәүләтшина) 'Мағфура повесила зажёжённую семилинейную лампу с большим абажуром'.

В восьмом параграфе рассматриваются лингвистические средства выражения категории утверждения-отрицания. В современном башкирском языке эта категория традиционно включает в себя два полюса: утверждение и отрицание. В некоторых тюркских языках она состоит из четырёх микрокатегорий: утверждение, отрицание, возможность и невозможность (Н.К. Дмитриев, Д.М. Хангишиев, Н.Э. Гаджихмедов).

В башкирском языке, как и во многих других тюркских языках, отсутствует морфологически оформленный показатель утвердительности, как отсутствует и функциональная потребность в ней. Утвердительный характер высказывания воспринимается как само собой разумеющееся и не нуждается в выражении особыми грамматическими средствами: *Борон башкорт халкының ижтимағи тормошонда һәм һүз сәнгәтәндә сәсәндәр зур урын тоткан* (С.Галин) 'В давние времена в общественной жизни и словесном искусстве башкир сәсәны играли большую роль'. Нижеследующие примеры с модальным словом *бар* 'есть' можно отнести к утверждениям лексического типа: *Яраткан эшем бар, һөйөклө катыным бар, матур ғына ике кызым үсеп килә – эҙәм балаһына тағы нимә кәрәк?* (Р.Солтангәрәев) 'Есть любимая работа, есть любимая жена, подрастают две красивые дочери – что ещё нужно человеку?'

Для передачи отрицательного суждения в башкирском языке широко используется общетюркская форма отрицания с показателем -ма/-мә. Если учесть богатство глагольных форм и наклонений в языке, то можно ясно представить семантико-структурное разнообразие и функциональную многоплановость значений, создаваемых указанным отрицательным аффиксом: *Алтыға берзе кушып, һан ун булмай, сәғәтте алға бороп, төн көн булмай* (М.Акмулла) досл. 'Сумма шести и одного не равняется десяти, забегая вперёд (о часах), ночь не превратится в день'.

В конструкциях, выражающих упорное сопротивление действующего лица в исполнении действия, форму отрицания принимает только основной компонент: *эйтмәне лә куйзы* 'не сказал и всё', *кайтманы ла куйзы* 'не вернулся и всё'. В башкирском языке зафиксированы случаи, когда отрицательным аффиксом снабжаются оба компонента сложной основы: *килмэй калмаҫ* 'не может быть, чтобы (он) не приехал', *һөйләмэй калмаҫ* 'не может быть, чтобы (он) не рассказал'. Как видно из примеров, в этом случае аффикс -*ма/-мә* выражает отнюдь не отрицание. Несмотря на широкое распространение аффикса -*ма/-мә* в современном башкирском языке, форма отрицания может быть образована не от всякой глагольной лексемы, некоторые грамматические формы по своему содержанию не совместимы с отрицательной логикой.

Не претендуя на полноту и абсолютность передачи существующих моделей и основываясь на конкретных языковых фактах, в данном исследовании предлагается следующая классификация типов отрицания в башкирском языке: а) отрицания морфемного типа; б) синтаксические отрицания; в) лексические отрицания; г) лексико-грамматические отрицания; д) лексико-фразеологические отрицания; е) фонетические отрицания.

В III главе «Функционально-семантическая характеристика системы словоизменения башкирского языка» даётся характеристика системы словоизменения башкирского языка и подвергаются детальному анализу категории падежа, принадлежности и сказуемости именных частей речи, а также категория лица глагола.

Первый параграф посвящён классификации падежных форм башкирского языка. Известно, что большинство тюркских языков признаёт шестипадежную систему склонения: основной, притяжательный (родительный), направительный (дательный), винительный, исходный, местно-временной падежи. Вместе с тем проводится деление падежей на основной и косвенные, грамматические и пространственно-временные. Исторически сложились две системы падежей по признаку выраженности в них взаимодействия конкретно-предметных и отвлечённо-предметных значений или нейтральности к этим значениям. Первую систему падежей образуют основной, притяжательный, винительный, то есть так называемые грамматические падежи. Вторую – пространственно-временные падежи: дательный, исходный и местно-временной. В тюркологии бытовали мнения и другого характера: материальная основа общепринятой падежной

системы не соответствует сущности тюркских языков и не отражает все реально существующие оттеночные значения падежей. М.З. Закиев в своё время отметил, что данная система возникла вследствие «подражания» русскому и индоевропейским языкам; она не в состоянии раскрыть специфические внутренние закономерности тюркских языков.

Ф.А. Ганиев в татарском языке, кроме 10 синтетических падежных форм, указывает на 8 аналитических. По его мнению, к аналитическим падежам относятся не всякие сочетания существительного с послелогом. В одних случаях послелоги могут уточнять грамматическое отношение, уже выраженное косвенным падежом (например, *урманга таба*; ср.: русское 'к лесу'). В данном случае налицо аффиксально-послеложное выражение падежа, а сами падежи могут называться синтетико-аналитическими. А в указанных автором восьми формах послелоги выступают единственным оформителем падежных форм, в силу чего они образуют аналитические падежи²³.

Как видно, в тюркологии проблема падежа занимает особое место ввиду сложности самой грамматической категории и наличия самых полярных подходов к её квалификации. Несмотря на наличие специальных исследований в этой области (Э.В. Севортян, Н.А. Баскаков, Ф.Г. Исхаков, М.З. Закиев, Ф.А. Ганиев, Дж.Г. Киекбаев, Р.Ф. Зарипов, Н.Г. Вильданова и др.), в целом ряде тюркских языков, в том числе и в башкирском языке, настоящая проблема до конца так и не решена.

Видимо, этим объясняется факт сохранения тенденции признания шестипадежной системы склонения не только в школьных учебниках по башкирскому языку, но и в вузовских грамматиках. Мы, в свою очередь, в современном башкирском языке выделяем следующие широко распространённые в речи 10 падежных форм, взяв за основу классификацию Р.Ф. Зарипова²⁴: 1) основной (*тәп*), 2) определённый и неопределённый притяжательный (*билдәле һәм билдәһез эйәлек*), 3) определённый и неопределённый направительный (*билдәле һәм билдәһез төбәү*), 4) определённый и неопределённый винительный

²³ Ганиев Ф.А. О синтетических и аналитических падежах в татарском языке // Учёные записки Казанского пединститута. Вып. 74. – Казань, 1970. – С. 74–82; Его же: О синтетических и аналитических падежах в татарском языке // Ядкяр, 2006. – №4. – С. 44–45.

²⁴ Зарипов Р.Ф. Категория падежа в башкирском языке: АКД. – Уфа, 1971.

(билдәле һәм билдәһез төшөм), 5) исходный (сыганак), 6) местно-временной (урын-вакыт), 7) обладательный (барлык), 8) лишительный (юклык), 9) уподобительный (окшатыу), 10) предельный (сик).

Из различной трактовки сущности **основного падежа** вытекают многочисленные термины, встречающиеся в лингвистической литературе. Кроме термина *основной падеж* (И.А. Батманов, Н.П. Дыренко-ва, Е.И. Убрятова, М.И. Боргояков, Н.А. Баскаков, А.Н. Кононов и др.), в тюркологии употребляются термины *именительный падеж* (М.А. Казембек, В.А. Богородицкий, А.М. Щербак и др.), *неопределённый падеж* (Н.К. Дмитриев). Отметим, что некоторые языковеды одновременно пользовались несколькими терминами: Н.П. Дыренко-ва – *коренной, безаффиксальный, основной, именительный*; Е.И. Убрятова – *неоформленный, основной*; Н.А. Баскаков – *неопределённый, именительный, основной*, А.Н. Кононов – *именительный, основной* и др. На практике также бытует мнение об идентичности основного и именительного падежей. Их рассматривают как сходные формы, обладающие одинаковым грамматическим значением и синтаксической функцией. Тем не менее основной падеж отличается от именительного падежа, употребляемого, скажем, в русском языке. Основной падеж представляет собой исходную форму слова и как прямой противостоит косвенным падежам не только по отсутствию аффиксов, но и по своему значению.

Основным значением формы **притяжательного падежа** в тюркских языках, в том числе и в башкирском, считается отношение принадлежности, в то же время её характеризует широкий спектр и других грамматических значений (ГСБЛЯ–1981, М.В. Зайнуллин, ХБТ–1986, Д.С. Тикеев). В башкирском языке притяжательный падеж имеет определённую и неопределённую формы. Форма определённого притяжательного падежа выражается посредством аффиксов *-дын/-дең, -тын/-тең, -зың/-зең, -ның/-нең* (с фонетическими вариантами): *Матурзарзың матуры тип даны таралған батша кызын һоратырға төрлө илдәрҙән батырҙар йыйыла* (Әкиәттән) *‘Чтобы просить руки красивейшей из красивых царевны, собираются батыры из разных стран’*. Форма неопределённого притяжательного падежа характеризуется отсутствием падежного аффикса. Основное значение указанной формы сводится к понятию обобщённости, неопределённости: *Егет йөрәгендә эйрәле-йүгәнле ат ята, тизәр* (М.Кәрим) *‘Говорят, что в сердце джигита лежит оседланный конь’*.

Следует учесть, что в некоторых тюркских языках формы типа (өй) *һинеке* 'твой (дом)', (яулык) *әсәйзеке* 'мамин (платок)' рассматриваются в структуре притяжательного падежа (С.Н. Иванов). В башкирском языке данные формы мы склонны воспринимать соответственно как притяжательные местоимения и притяжательные прилагательные в основном падеже.

В некоторых случаях определённая и неопределённая формы притяжательного падежа могут успешно взаимозаменяться. Тем не менее существует целый ряд имён, которые не могут принимать форму неопределённого притяжательного падежа в силу выражения конкретного понятия. К такой категории относятся существительные, находящиеся в постпозиции по отношению к местоимениям (чаще – указательным), прилагательным в функции определения и изафетным конструкциям с разомкнутыми членами.

Форма **направительного падежа** в башкирском языке, как и в других тюркских языках, обладает широким спектром значений. Среди падежей, именуемых пространственными, данный падеж по значению традиционно противопоставляется исходному (исходный пункт) и местно-временному (местонахождение, предел действия во времени) падежам, поскольку выражает объект заинтересованной направленности действия, объект предназначения, объект-цель, объект-причину и т.д. (Р.Ф. Зарипов, М.В. Зайнуллин, Д.С. Тикеев). За пределами этого соотношения, то есть вне данной оппозиции, направительному падежу свойственно богатейшее разнообразие значений, не противопоставленных столь же наглядно другим падежам и характеризующихся большой сложностью взаимных отношений.

Форма определённого направительного падежа, выраженная аффиксами *-ға/-гә*, *-ка/-кә*, часто сочетается с именами, глаголами, модальными словами, послелогами и др., имея при этом самостоятельное и обусловленное значения (ГСБЛЯ–1981): *Был донъяла ауыр яңғыз башка, дус-иш кәрәк донъя көткәндә* (*Халык йырынан*) досл. 'Трудно прожить одному в этой жизни, в жизни не обойтись без друзей'. Форма неопределённого направительного падежа в башкирском языке свойственна очень малочисленной группе слов. Она употребляется только в тех случаях, когда имя выражает понятие пункта, местности, хорошо знакомого всем (или хотя бы большинству слушателей/ читателей). По мнению Р.Ф. Зарипова, объект направления при этом должен быть чем-то важнее исходного пункта; в крайнем случае они должны быть идентичны по степени важности: *Буринбай за Себер ки-*

теү менән, бағылыр микән илдең ирзәре... (Халык йырынан) досл. 'Со ссылкой Буранбая в Сибирь утихнут ли мужчины страны...'

Винительный падеж выступает как грамматическое средство указания на то, что предмет, выраженный исходной основой, воспринимается автором высказывания как объект прямого непосредственного воздействия (Н.Х. Ишбулатов, М.В. Зайнуллин, ГСБЛЯ-1981, ХБТ-1986). Форма определённого винительного падежа, выраженная в башкирском языке посредством аффиксов *-ны/-не, -зы/-зе, -ты/-те, -ды/-де* (с фонетическими вариантами), употребляется без послелогов и выполняет в основном функцию прямого дополнения: *Бер сәйер нәмә бар: ситкә сықтыңмы, шундағы тормош-көңүреште, йәшәү рәүешен үз илдеңгә, үз ереңдәгә хәл менән сағыштыра башлайһың* (Р.Солтангәрәев) 'Есть одно странное явление: на чужбине чужой быт, образ жизни начинаешь сравнивать с тем, что у тебя на родине, на своей земле'. Основное значение формы неопределённого винительного падежа заключается в выражении общности, неопределённости прямого объекта на момент рассказа. Когда имеется в виду неопределённый предмет, соответствующее ему слово лишается падежного аффикса и примыкает к сказуемому, образуя при нём объектную группу: *Йоко ваҡыт һайламай* (Мәкәл) 'Сон не выбирает время'.

Форма **исходного падежа** в тюркских языках, в том числе и в башкирском, отличается наибольшей многозначностью среди всех других падежных форм. Предмет, выражаемый формой исходного падежа, в башкирском языке традиционно является объектом косвенного отношения, характеризующегося направленностью от него. Второе значение сводится к тому, что предмет является объектом косвенного выделительного отношения. Третье значение в содержательном потенциале данной падежной формы связано с временным пределом, начиная с которого или после которого совершается то или иное действие. Данная падежная форма в башкирском языке образуется с помощью аффикса *-дан/-дән, -тан/-тән, -зан/-зән, -нан/-нән* (для сравнения: в туркменских письменных памятниках зафиксировано 14 вариантов, а в диалектах – 30 вариантов аффиксов исходного падежа (С. Байлыев): *Дуҫ менән дуҫ булғанға шатлан, дошман менән дуҫ булыуҙан һатлан* (Мәкәл) 'Радуйся дружбе с другом, остерегайся дружбы с врагом'.

Наблюдения над особенностями употребления формы исходного падежа в башкирском языке показывают, что в её семантической

сущности отчётливо выявляются два ряда противопоставлений: прямое противопоставление обстоятельственных значений значениям ближайших коррелятов – направительного и местно-временного падежей – и широкая область объектных значений, не соотносящихся столь же очевидным образом со значениями данных падежей. Заметим, что уровень развития абстрактной стороны значений рассматриваемой формы в башкирском языке очень высок. Об этом говорит широкий диапазон значений, не связанных непосредственно с пространственной и временной семантикой.

Существительное в форме **местно-временного падежа** выражает предмет, являющийся местом, точкой или пространством, в котором происходит какое-либо действие /событие/: *ауылда* 'в деревне', *өстәлдә* 'на столе', а также обозначает момент /временной отрезок/, в котором или в течение которого совершается действие: (*үткән*) *азнала* 'на прошлой неделе', (*ул*) *йылда* 'в том году'. Местно-временной падеж с вышеупомянутым значением обстоятельственного характера (места и времени) противостоит формам направительного и исходного падежей (ГСБЛЯ–1981). Значение места и времени является основным в семантическом потенциале обсуждаемой формы не только в башкирском языке, но и в ряде других родственных языков: якутском (ГСЯЛЯ–1982), татарском (СТЛЯ–1969), кумыкском (Н.Э. Гаджихмедов), балкарском (ГКБЯ–1976) и др. Кроме семантики места и времени, имя в местно-временном падеже может выражать и другие оттеночные значения.

В башкирском языке, как и в некоторых других тюркских языках (А.Н. Кононов, Н.З. Гаджиева, Б.А. Серебренников), отмечены случаи, когда вместо логически определяемого местно-временного падежа употребляется направительный. Ср.: *Әсәйем хатта үзенең көңкүрешен язған. Әсәйем хатта үзенең көңкүрешен язған* 'Мать написала в письме о своём житьё-бытьё'. Подобное явление широко распространено в финно-угорских языках (Б.А. Серебренников). Объяснить вышеприведённые случаи употребления падежных форм довольно трудно. По мнению Б.А. Серебренникова и Н.З. Гаджиевой, в так называемую дотюркскую эпоху направительный и местно-временной падежи выражались одной и той же формой, как это до сих пор имеет место в современном монгольском языке.

Известно, что аффикс *-лы/-ле/-ло/-лө* в современном башкирском языке, как и во многих других тюркских языках, обладает тройной функцией: а) очень активно используется в качестве словообразую-

щего (производные прилагательные); б) выступает формообразующим показателем (числительные меры); в) может употребляться как словоизменятельный показатель (**обладательный падеж**). Как правило, существительные с данным аффиксом в традиционных школьных и вузовских учебниках башкирского языка изучаются как производные прилагательные: *машиналы кеше досл. 'человек, имеющий машину'*, *кортло һурпа досл. 'бульон с курutom'*, *дөгәлә бәләш досл. 'пирог с рисом'*. В примерах такого типа, по мнению Р.Ф. Зарипова, ни одно из имён существительных не перешло в разряд прилагательных. В них полностью сохранено понятие предметности. Существительное в форме обладательного падежа (впрочем, как и в формах лишительного, уподобительного и предельного падежей) занимает пассивную позицию по отношению к определяемому слову. Грамматическое значение и падежное отношение в данном случае направлены не на изменяемое существительное, а на другое слово в составе предложения (высказывания). В то же время имена с вышеуказанными падежными аффиксами не поддаются влиянию процесса, они сохраняют нейтральность по отношению к результату²⁵.

Форма обладательного падежа в башкирском языке характеризует имя с точки зрения обладания чем-либо: *фатирлы булынды 'приобрёл квартиру'*, *енел машиналы булынды 'приобрёл (купил) легковую машину'*, *дачалы булынды 'приобрёл дачу'*. Сфера употребления обладательного падежа в башкирском языке не отличается широтой. Форма названного падежа характерна в основном для разговорной речи.

По определению О.С. Ахмановой, "каритив – это категориальная форма падежа, указывающая на лишение, отсутствие чего-либо"²⁶. Показателем **лишительного падежа** в башкирском языке выступает аффикс *-һыз/-һез/-һөз/-һөз*, отличающийся полифункциональностью, который, с одной стороны, является словообразующим, с другой стороны, выражает грамматические отношения. В словосочетаниях типа *котһөз өй 'неуютный дом'*, *базнатһыз егет 'нерешительный парень'*, *кәрәкһез китап 'ненужная книга'* аффикс *-һыз/-һез*, естественно, является словообразующим, так как меняет лексическое значение слова. В конкретных именах этим аффиксом выражаются падежные отноше-

²⁵ Зарипов Р.Ф. Башкорт телендә килештәр системаһы // Вопросы башкирского языкознания. – Уфа, 1972. – С. 163.

²⁶ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – С. 189.

ния; в данном случае *-һыз/-һез* выступает как словоизменительное средство: *Атаһыз ул асрама, инәһез ҡыз асрама* (Мәкәл) 'Без отца не воспитывай сына, без матери – дочь'.

В системе школьного преподавания башкирского языка форма лишительного падежа традиционно рассматривается как производное прилагательное, в вузовских учебниках лишь упоминается о наличии данной падежной формы (ХБТ–1986). Тем не менее уже в 60-е годы прошлого столетия указанный падеж наряду с обладательным был признан Дж.Г. Киекбаевым, М.З. Закиевым, Р.Ф. Зариповым. Отметим, что лишительный падеж функционирует не только в тюркских языках, но и во всей системе урало-алтайских языков, в частности, в таких финно-угорских языках, как финский, удмуртский, марийский, мордовский, эстонский и др. (А.П. Юдакин). Дж.Г. Киекбаев указывает на отсутствие синтетического способа передачи лишительного падежа в тунгусо-маньчжурском, монгольском и восточных тюркских языках; значение лишения (отсутствия) в этих языках выражается только аналитическим способом. Ср.: *салкын йок кун* (алтай.), *салғын чок хун* (тувин.), *чил чох кун* (хакас.) и т.д.

В современном башкирском языке аффикс *-һыз/-һез* в качестве словоизменительного может передавать следующие смысловые оттенки: а) выражает отсутствие необходимого или важного для жизни элемента (предмета, лиц, вещей и т.п.): *Атһыз, данһыз йәшәп булалыр ул, йәшәп кара бер кән икмәкһез!* (Х.Ғиләжев) досл. 'Без лошади, без славы можно, наверно, прожить, попробуй прожить один день без хлеба!'; б) может означать понятие *кемдән, нимәнән башка* 'без кого, без чего': *Утһыз тәтән булмай* (Мәкәл) 'Не бывает дыма без огня'; в) при употреблении с глаголом *ҡал-* 'остаться' указывает на уничтоженные, исчезнувшие, лишённые кого-либо, чего-либо лица, изъятые предметы и т.п.: *Янғын арҡаһында ике сәғәт эсендә ҡартә-кураһыз ҡалдык* ("Азна" гәзитенән) 'Из-за пожара за два часа остались без дворовых построек'.

Специфическим аффиксом уподобительно-сравнительного падежа в башкирском языке, как и в целом ряде тюркских языков, выступает аффикс *-дай/-дәй* (с фонетическими вариантами). В большинстве тюркских языков, в том числе и в башкирском, показатель *-дай/-дәй* традиционно рассматривается как словообразующий аффикс наречий. Однако Г.И. Рамstedт уже в 50-е годы прошлого столетия признаёт аффикс *-дай/-дәй* в качестве падежного: "Историческое развитие привело к тому, что *dai/däi* ныне стало равноценным падежному окон-

чанию"²⁷. Того же мнения придерживались и другие языковеды (М.З. Закиев, Ф.А. Ганиев, Р.Ф. Зарипов и др.). Действительно, при присоединении к именам указанный аффикс не вносит ничего нового в лексическое значение слова, лишь указывает на уподобительно-сравнительные отношения: *Күршенең тауығы ла каззай, катыны ла кыззай (Әйтем) 'У соседа и курица как гусь, и жена – как девушка'.*

Как и большинство падежных аффиксов, аффикс *-дай/-дәй* в структуре слова может следовать за показателями множественности и принадлежности: *Күрше кәзәһеләй гел ярамағанға үреләһең (М.Кәрим) 'Как соседская коза, всегда тянешься за запретным'.*

В башкирском языке показателем предельного падежа выступает аффикс *-ғаса/-гәсә/-каса/-кәсә*. По морфемному строению аффикс *-ғаса* сложный: он сочетает в себе аффикс направительного падежа *-ға* и аффикс *-са*, который сводится к показателю определённости (А.М. Азнабаев, В.Ш. Псянчин). Впрочем, сочетание нескольких показателей грамматических категорий в одном и том же аффиксе считается нормой для многих тюркских языков. В языке форма предельного падежа встречается сравнительно редко и отличается довольно узкой семантикой: а) показатель *-ғаса/-гәсә* означает предел направления: *Берлинғаса һуғышып барып еткән кеһе ул Котдос ағай (Ф.Ғәлимов) 'Дядя Кутдус – человек, который, сражаясь, дошёл до самого Берлина'.*; б) указанной грамматической формой передаётся значение предела по времени: *Бесән эһе бөтөп килә, шуға механизаторҙар иртә таңдан кара кискәсә машиналарын кат-кат эшләтеп карай, төҙәтә, майлай (Ә.Хәким) 'Заканчивается сенокос, поэтому механизаторы с самого раннего утра до позднего вечера проверяют, ремонтируют, смазывают машины'.*; в) форма предельного падежа может использоваться для конкретизации степени распространения того или иного действия: *Һуғыш ваҡытында сәғәттәр буйы һазлыҡ эсендә тезгәсә торорға ла тура килә иһе (И.Ғиззәтуллин) 'На войне приходилось часами стоять в болоте и по самое колено'.*; г) рассматриваемой формой указывается на предел по возрасту: *Бер йәштән алып ос йәшкәсә бала шәхес булып формалашыуҙа ор-яңы қазаныштар яулай (Р.Аслаева) 'Ребёнок от одного года до трёх лет достигает совершенно новых высот в становлении как личность'.*

²⁷ Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. – М.: Изд-во инстр.лит-ры, 1957. – С. 57.

Во втором параграфе рассматриваются способы выражения категории принадлежности. Принадлежность (посессивность) – одна из универсальных понятийных категорий языка, основное значение которой заключается в определении названия объекта через его отношение к некоторому лицу или предмету²⁸. Категория принадлежности является универсальной в том смысле, что притяжательные отношения в той или иной мере выражаются в любом языке (Н.К. Дмитриев, Дж.Г. Киекбаев, С.Н. Иванов, М.Х. Ахтямов, Ф.А. Ганиев, В.Г. Кондратьев).

Формы принадлежности в тюркских языках, в том числе и в башкирском, охватывают не только, как принято считать, существительные и субстантивированные прилагательные, но и числительные, местоимения, имена действия, причастия (З.Г. Ураксин). В современном башкирском языке представлены морфемный, морфемно-синтаксический и синтаксический способы выражения принадлежности. Морфемный способ (аффиксация) считается в языке основным для выражения посессивных отношений. Специфические аффиксы принадлежности имеют шесть лично-притяжательных форм -м/-ым/-ем/-ом/-өм, -н/-ын/-ен/-он/-өн, -ы/-һы/-һе/-һо/-һө, -быз/-без/-боҙ/-бөҙ, -ғыҙ/-ғеҙ/-ғоҙ/-ғөҙ, -лары/-ләре (с фонетическими вариантами), которые распределяются в зависимости от абсолютного конца слова и огласовки слова в целом²⁹, а также с учётом происхождения того или иного слова, то есть является ли данное слово исконно башкирским или оно заимствовано из русского языка либо через русский из других языков (М.Х. Ахтямов).

Известно, что в башкирском языке, как и в некоторых других тюркских языках, принято выделять притяжательный аффикс -ныкы/-неке (с фонетическими вариантами), который не содержит указания на сам предмет обладания. Н.К. Дмитриев назвал эту форму «абстрактной принадлежностью»³⁰. По мнению Д.М. Хангишиева, указанный аффикс выражает и значение «конкретно-предметной соотнесённости». Мы, в свою очередь, придерживаемся точки зрения, что дан-

²⁸ Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл.ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 389.

²⁹ Грамматика современного башкирского литературного языка. – М.: Наука, 1981. – С. 122.

³⁰ Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – С. 55.

ный аффикс не выражает «чистого» отношения принадлежности, а является показателем притяжательных прилагательных.

Типы конструкций принадлежности в башкирском языке можно классифицировать следующим образом: а) один из компонентов является частью другого; б) второй компонент – принадлежность первого; в) второй компонент – разного рода темпорально ограниченные характеристики, свойства, особенности поведения первого компонента, которые могут проявляться, исчезать, усиливаться и т.д.; г) второй компонент не всегда является объектом.

Третий параграф посвящён категории сказуемости. А.М. Пешковский, который ввёл термин “сказуемость” в русское языкознание, считал, что “категория сказуемости образуется как совокупность свойств (функций) различных форм *сказуемых*”. Соответственно, сказуемость является грамматическим признаком различных частей речи, выступающих в функции сказуемого, и тем самым отграничивается от смежного понятия – предикативности. Предикативность представляет собой основное свойство предложения вообще, а сказуемость характеризует только те предложения, в состав которых входит сказуемое, то есть член предложения, обеспечивающий выражение предикативности. Собранный фактический материал башкирского языка показывает, что категория сказуемости в языке выражается тремя способами: морфемным, морфемно-синтаксическим и синтаксическим. В первом и втором лицах единственного и множественного чисел сказуемость передаётся специальными аффиксами *-мын/-мен, -быз/-без, -һын/-һең, -һығыз/-һеҫеҙ* (с фонетическими вариантами): *Икегеҙҙә саҡматаш кеүек кешеләрһеҫеҙ, бәрелешкән һайын ошон ошон торасак* (М.Кәрим) ‘Оба вы люди как кремь, при каждом столкновении будут летать искры’. Форма 3-го лица сказуемости в башкирском языке в отличие от некоторых других тюркских языков выражается без специального аффикса.

В четвёртом параграфе анализируется категория лица глагола. При описании системы глагольного словоизменения в тюркских языках, в том числе и в башкирском, часто говорится о связи категорий лица и числа. Привычные выражения “1-е лицо множественного числа”, “2-е лицо единственного числа” обозначают некоторую совокупность референтов. Категория лица в башкирском языке представлена показателями, общими для категории числа.

С точки зрения словоизменения категория лица глагола в тюркских языках характеризуется противопоставлением показателей трёх

(первого, второго, третьего) лиц в рамках двух чисел – единственного и множественного. Рассматриваемая категория указывает на участников сообщаемого факта по отношению к участникам факта сообщения (Н.Э. Гаджихамедов). При этом совпадение участников событий с участниками коммуникативного акта не является обязательным. Напротив, наиболее естественно для говорящего, чтобы он информировал слушающего о событиях, участником которых тот не является. Категория лица определяется через понятие ролей участников ситуации: 1-е лицо используется говорящим для указания на самого/самих себя как на субъект/субъектов дискурса; 2-е лицо – для указания на слушающего/слушающих; 3-е лицо – для указания на лица и предметы, отличные от говорящего/говорящих и слушающего/слушающих.

В **Заключении** подводятся итоги проведённого диссертационного исследования.

Основные положения и результаты диссертационного сочинения отражены в следующих публикациях автора, общий объём которых составляет 68 п.л.:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ

1. Абдуллина, Г.Р. О разграничении формообразующих и словоизменительных категорий в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Вестник Челябинского государственного университета: Филология. Искусствоведение. – Челябинск, 2008. – №21. – С.5–11. [0,9 п.л.]
2. Абдуллина, Г.Р. Категория сказуемости в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Научная мысль Кавказа. – Ростов-на-Дону, 2008. – №3 (55). – С.112–116. [0,7 п.л.]
3. Абдуллина, Г.Р. Категория степени качества в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – Архангельск, 2008. – №11. – С.121–126. [0,8 п.л.]
4. Абдуллина, Г.Р. О залоговых формах глаголов башкирского языка/ Г.Р. Абдуллина // Вестник Челябинского государственного университета: Филология. Искусствоведение. – Челябинск, 2008. – №30. – С.5–12. [1 п.л.]
5. Абдуллина, Г.Р. Категория принадлежности в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Научная мысль Кавказа.– Ростов-на-Дону, 2008. – №4. – С.118–123. [0,8 п.л.]

6. Абдуллина, Г.Р. Категория лица и числа глаголов в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Вестник Читинского государственного университета. – Чита, 2008. – №6. – С.64–69. [0,8 п.л.]

7. Абдуллина, Г.Р. Категория утверждения-отрицания в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – Архангельск, 2008. – №13. – С.165–168. [0,6 п.л.]

8. Абдуллина, Г.Р. Формы изъявительного наклонения в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2009. – №1. – С.7–13. [0,9 п.л.]

9. Абдуллина, Г.Р. Категория падежа в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2009. – №1. – С.189–193. [0,7 п.л.]

10. Абдуллина, Г.Р. Категория неличных форм глагола башкирского языка / Г.Р. Абдуллина // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2009. – №4. – С.7–13. [0,9 п.л.]

Монографии

11. Абдуллина, Г.Р. Формообразование башкирского языка / Г.Р. Абдуллина: Монография. – Уфа: Гилем, 2008. – 236 с. [14,55 п.л.]

12. Абдуллина, Г.Р. Словоизменение башкирского языка / Г.Р. Абдуллина: Монография. – Уфа: Гилем, 2008. – 124 с. [7,75 п.л.]

13. Абдуллина, Г.Р. Башкирский язык. Морфонология / Г.Р. Абдуллина: Монография. – Уфа: Гилем, 2004. – 128 с. [7,73 п.л.]

14. Абдуллина, Г.Р. Морфонология башкирского языка / К.Г. Ишбаев, Г.Р. Абдуллина: Монография. – Уфа: Гилем, 2000. – 84 с. (на башк. яз.) [5 / 3 п.л.]

Учебные пособия

15. Абдуллина, Г.Р. Морфемика, словообразование и морфонология башкирского языка / К.Г. Ишбаев, Г.Р. Абдуллина, З.К. Ишкильдина: Учебное пособие (Рекомендовано Министерством образования РБ). – Уфа: Гилем, 2006. – 178 с. (на башк. яз.) [10,46 / 4 п.л.]

16. Абдуллина, Г.Р. Морфология башкирского языка / Г.Р. Абдуллина: Учебное пособие. – Sterlitaмак: Sterlitaмакская гос. пед. акад. им. Зайнаб Бишевой, 2009. – 132 с. (на башк. яз.) [7,6 п.л.]

Статьи в научных сборниках и научно-педагогических журналах

17. Абдуллина, Г.Р. Морфонологические явления в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Башкортостан уҡытыусыны. – Уфа, 2000. – №4. – С.28–30. (на башк. яз.) [0,4 п.л.]

18. Абдуллина, Г.Р. Морфология башкирского языка на фоне тюркских языков / Г.Р. Абдуллина // Ядкяр. – Уфа, 2001. – №2. – С.92–100. (на башк. яз.) [1,2 п.л.]

19. Абдуллина, Г.Р. О категории сказуемости в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Выпуск 27. – М.: Прометей, 2004. – С.12–16. [0,3 п.л.]

20. Абдуллина, Г.Р. О категории множественности в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Труды Стерлитамакского филиала АН РБ. Серия «Филологические науки». Выпуск 2. – Уфа: Гилем, 2006. – С.12–15. [0,5 п.л.]

21. Абдуллина, Г.Р. Морфология / Г.Р. Абдуллина, К.Г. Ишбаев // Башкирская энциклопедия. Т.4. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2008. – С. 275. [0,3 / 0,2 п.л.]

22. Абдуллина, Г.Р. Отрицания категория / Г.Р. Абдуллина // Башкирская энциклопедия. Т.4. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2008. – С. 598. [0,2 п.л.]

Материалы конференций

23. Абдуллина, Г.Р. Морфонологические явления в формировании башкирского языка / Г.Р. Абдуллина, К.Г. Ишбаев // Лингвокультурологические проблемы подготовки педагогических кадров для башкирских школ: Матер. респ. науч.-практ. конф. – Уфа: Башк. гос. пед. ун-т, 1998. – С.35–37. (на башк. яз.) [0,2 / 0,15 п.л.]

24. Абдуллина, Г.Р. Морфонологические явления в словоизменной системе башкирского языка / Г.Р. Абдуллина // Проблемы изучения и преподавания филологических наук: Сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф. – Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. ин-т, 1999. – С.87–90. (на башк. яз.) [0,3 п.л.]

25. Абдуллина, Г.Р. О формообразовательной системе башкирского языка / Г.Р. Абдуллина // Актуальные проблемы филологии и школьного филологического образования: Сб. матер. межвуз. науч.-практ. конф. – Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. ин-т, 2004. – С.4–7. [0,3 п.л.]

26. Абдуллина, Г.Р. О словоизменительной системе башкирского языка / Г.Р. Абдуллина // Актуальные проблемы филологии и школьного филологического образования: Сб. матер. межвуз. науч.-практ. конф. – Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. ин-т, 2004. – С.7–9. [0,2 п.л.]

27. Абдуллина, Г.Р. Формы винительного падежа в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Проблемы преподавания башкирского языка и литературы в башкирской школе (в системе «школа – педколледж – вуз»): Матер. регион. науч.-практ. конф. – Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. ин-т, 2004. – С.13–15. [0,2 п.л.]

28. Абдуллина, Г.Р. Формы притяжательного падежа в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Актуальные проблемы башкирской, русской и тюркской филологии: Матер. науч.-практ. конф. – Уфа: БГУ, 2004. – С.23–25. [0,2 п.л.]

29. Абдуллина, Г.Р. Об определённой форме направительного падежа в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Актуальные проблемы изучения и преподавания башкирского языка и литературы: Сб. матер. регион. науч.-практ. конф. – Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. академия, 2005. – С.12–15. [0,3 п.л.]

30. Абдуллина, Г.Р. О категории падежа в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Башкирская филология: история, современность, перспективы: Сб. матер. Всерос. науч. конф. – Уфа: Гилем, 2005. – С.128–132. [0,7 п.л.]

31. Абдуллина, Г.Р. О категории принадлежности в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина, К.Г. Ишбаев // Башкирская филология: история, современность, перспективы: Сб. матер. Всерос. науч. конф. – Уфа: Гилем, 2005. – С.115–123. [1,2 / 1 п.л.]

32. Абдуллина, Г.Р. Об основном падеже в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Языковая политика и языковое строительство в Республике Башкортостан: Матер. межрегион. науч.-практ. конф. – Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2005. – С.76–78. [0,2 п.л.]

33. Абдуллина, Г.Р. О формах субъективной оценки в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Актуальные проблемы филологии и филологического образования: Труды Всерос. науч. конф. – Уфа: Гилем, 2006. – С.7–11. [0,7 п.л.]

34. Абдуллина, Г.Р. О формах степеней сравнения в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина, Р.У. Мухаметшина // Актуальные проблемы филологии и филологического образования: Труды Всерос. науч. конф. – Уфа: Гилем, 2006. – С.257–259. [0,4 / 0,3 п.л.]

35. Абдуллина, Г.Р. Об особенностях местно-временного падежа в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Актуальные проблемы башкирской филологии: Матер. регион. науч.-практ. конф. – Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. академия, 2006. – С.9–10. [0,1 п.л.]

36. Абдуллина, Г.Р. Об исходном падеже в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Литературоведение, языкознание и фольклористика в исследованиях XXI века: Межвуз. сб. науч. статей. – Сибай: Сибайский ин-т БашГУ, 2006. – С.151–155. [0,4 п.л.]

37. Абдуллина, Г.Р. Количественная соотносённость как формообразующая категория / Г.Р. Абдуллина // Проблемы сохранения башкирского фольклора: Труды респ. науч.-практ. конф. – Уфа: Гилем, 2007. – С.52–55. [0,5 п.л.]

38. Абдуллина, Г.Р. Особенности категории утверждения-отрицания в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Башкирское филологическое образование: история, современность, перспективы: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. – Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. академия, 2007. – С.20–21. [0,3 п.л.]

39. Абдуллина, Г.Р. Формы будущего времени в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Преподавание родных языков в Башкортостане (в рамках Государственной программы “Народы Башкортостана”): Матер. круглого стола. – Уфа: БГПУ им. М.Акмуллы, 2007. – С.25–28. [0,3 п.л.]

40. Абдуллина, Г.Р. Отражение форм категории степени в башкирских загадках / Г.Р. Абдуллина, А.Т. Шамигулова // Молодёжь. Прогресс. Наука: Сб. матер. III Межвуз. науч.-практ. конф. молодых учёных Республики Башкортостан. – Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. академия, 2007. – С.136–137. (на башк. яз.) [0,1 / 0,05 п.л.]

41. Абдуллина, Г.Р. Сфера функционирования обладательного падежа в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Лингвометодические аспекты подготовки педагогических кадров для башкирской школы: Матер. респ. науч.-практ. конф. – Уфа: БГПУ им. М.Акмуллы, 2008. – С.20–22. [0,2 п.л.]

42. Абдуллина, Г.Р. Несколько слов о формах прошедшего времени в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Исследование языков народов Российской Федерации в свете новых лингвистических парадигм: теория и практика: Труды Всерос. науч. конф. – Уфа: Гилем, 2008. – С.4–9. [0,8 п.л.]

43. Абдуллина, Г.Р. Дифференцирующие признаки конъюнктива в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Исследование языков народов

Российской Федерации в свете новых лингвистических парадигм: теория и практика: Труды Всерос. науч. конф. – Уфа: Гилем, 2008. – С.9–12. [0,5 п.л.]

44. Абдуллина, Г.Р. Особенности деепричастий с показателем -гас в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина, Г.М. Ахтямова // Исследование языков народов Российской Федерации в свете новых лингвистических парадигм: теория и практика: Труды Всерос. науч. конф. – Уфа: Гилем, 2008. – С.274–275. (на башк. яз.) [0,3 / 0,2 п.л.]

45. Абдуллина, Г.Р. О страдательном залоге в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина, Г.Р. Тагирова // Язык и литература в условиях многоязычия: Матер. II Международ. науч.-практ. конф. Часть I. Языковая картина мира и лингвистика XXI века. – Нефтекамск: Нефтекамский филиал БашГУ, 2008. – С.140–143. [0,3/0,2 п.л.]

46. Абдуллина, Г.Р. Степени прилагательных в башкирских загадках / Г.Р. Абдуллина, А.Т. Шамигулова // Язык и литература в условиях многоязычия: Матер. II Международ. науч.-практ. конф. Часть I. Языковая картина мира и лингвистика XXI века. – Нефтекамск: Нефтекамский филиал БашГУ, 2008. – С.186–188. [0,2 / 0,15 п.л.]

47. Абдуллина, Г.Р. Несколько слов об основном залоге в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Вузовская наука: инновационные подходы и разработки: Сб. науч. трудов профессорско-преподавательского состава Стерлитамакской госпедакадемии им. З.Биишевой. – Стерлитамак, 2008. – С.51–52. [0,1 п.л.]

48. Абдуллина, Г.Р. Использование разрядов числительных в башкирских пословицах / Г.Р. Абдуллина, Г. Тагирова // Теория и практика башкирского языка и литературы в свете современных достижений филологических наук: Сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф. – Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. академия, 2008. – С.197–198. (на башк. яз.) [0,3 / 0,2 п.л.]

49. Абдуллина, Г.Р. Об особенностях взаимно-совместного залога в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Теория и практика башкирского языка и литературы в свете современных достижений филологических наук: Сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф. – Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. академия, 2008. – С.11–13. [0,4 п.л.]

50. Абдуллина, Г.Р. Формы условного наклонения в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Профессор Н.К. Дмитриев и актуальные проблемы современной тюркологии: Матер. международ. науч.-практ. конф. – Уфа: БГУ, 2008. – С.3–9. [0,5 п.л.]

51. Абдуллина, Г.Р. Грамматические особенности имён действий в современном башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Актуальные проблемы науки в России. Выпуск 5. Том 2: Матер. Международ. науч.-практ. конф. – Кузнецк: Кузнецкий ин-т информационных и управленческих технологий, 2008. – С.9–13. [0,3 п.л.]

52. Абдуллина, Г.Р. Формы желательного наклонения в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Проблемы изучения и преподавания тюркской филологии: преемственность поколений: Сб. матер. Международ. науч.-практ. конф. – Sterlitaamak: Sterlitaamak. gos. ped. akademiya, 2008. – С.42–45. [0,5 п.л.]

53. Абдуллина, Г.Р. Причастные формы башкирского языка / Г.Р. Абдуллина // Язык и литература в условиях многоязычия: Матер. II Международ. науч.-практ. конф. Часть I. Языковая картина мира и лингвистика XXI века. – Нефтекамск: Нефтекамский филиал БашГУ, 2008. – С.5–10. [0,4 п.л.]

54. Абдуллина, Г.Р. Лексико-семантическая интерпретация грамматической категории времени в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании (II Акмуллинские чтения): Матер. Международ. науч.-практ. конф. – Уфа: БГПУ им. М.Акмуллы, 2008. – С.236–240. [0,3 п.л.]

55. Абдуллина, Г.Р. Формообразующие и словоизменительные элементы в башкирских топонимах / Г.Р. Абдуллина // Ономастика Поволжья: Матер. XI Международ. науч. конф. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2008. – С.72–75. [0,3 п.л.]

56. Абдуллина, Г.Р. Несколько слов о наклонении намерения в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Актуальные проблемы башкирского теоретического языкознания: Сб. матер. респ. науч.-практ. конф. – Sterlitaamak, 2009. – С. 9–13. [0,3 п.л.]

57. Абдуллина, Г.Р. Грамматические особенности инфинитива в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Проблемы лингвистики в поликультурной среде: история и современность: Матер. Международ. науч.-практ. конф. – Уфа: БГПУ им. М.Акмуллы, 2009. – С. 100–107. [0,5 п.л.]

58. Абдуллина, Г.Р. О соотношении категорий падежа и принадлежности в башкирском языке / Г.Р. Абдуллина // Язык и литература в условиях многоязычия: Матер. III Международ. науч.-практ. конф. – Нефтекамск: Нефтекамский филиал БашГУ, 2009. – С.6–9. [0,3 п.л.]

Подписано в печать 10.07.2009 г.

Гарнитура «Times New Roman».

Уч.-изд.л. 3,53.

Печать офсетная.

Заказ № 273

Формат 60x84_{1/16}.

Бумага офсетная.

Усл.печ. л. 3,22.

Тираж 120 экз.

Редакционно-издательский отдел Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Бишевой: 453103, Стерлитамак, пр.Ленина, 49, к.161.

Отпечатано в полиграфическом участке Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Бишевой: 453103, Стерлитамак, пр.Ленина, 49.

10-